

Олег Белоус

# В преддверии нулевой мировой войны



18+

Олег Белоус

**В преддверии нулевой  
мировой войны**

«Автор»

2019

## **Белоус О.**

В преддверии нулевой мировой войны / О. Белоус — «Автор», 2019

Первые, самые сложные месяцы после Переноса в конец 17 века, город пережил. Реформирует армию, вырастил урожай, создает промышленность, дал отпор агрессивным хроноаборигенам. Справился с собственным майданом. Теперь о городе узнал мир, он стал желанным призом для всех. От Османов, до Испанцев включительно. Ибо чудеса, а главное знания, нужны всем. Теперь героям книги предстоит оставить свой собственный след в истории и на карте мира! Продолжение "Попаданцев в страну царя Петра". В оформлении использована иллюстрация, принадлежащая «Брендинговому агентству Токин».

© Белоус О., 2019

© Автор, 2019

## Олег Белоус

### В преддверии нулевой мировой войны

#### Глава 1

Длинный кнут в руках палача вновь пронзительно свистнул. На спине висящего на дыбе с вывернутыми из плеч и высоко поднятыми над головой руками мужчины раскрылась еще одна алая полоса. Новые кровавые пятна окрасили разорванную до пупа когда-то белоснежную рубаху. Мученик страшно захрипел, забился, орать он уже не мог. Истощенное лицо – землисто-серое – уши оттянулись, зубы, ощерясь, захрустели от невыносимой муки. В пыточной полутьме. Ее лишь слегка рассеивает слабый свет, падающий из грязного, засиженного мухами окна под потолком да мерцающий огонек свечи на грубо сколоченном столе. За ним расположился дьяк. Он с интересом рассматривает пытаемого и неторопливо оглаживает куцую бороденку. В неверном освещении видна густая паутина на кирпичных сводах подвала Разбойного приказа, на столе холщовая котомка. Мусор на земляном полу да перекладина с блоком и петлей, внизу лежачее бревно с хомутом – дыбу. Пахнет застаревшей сыростью, мышами и свежей кровью. Заплечный мастер Иван Стрижов – приземистый, широкоплечий человек в красной рубахе до колен, до глаз заросший буйной цыганской бородой, славился мастерством. С пятнадцати ударов кнутом, конечно, если бил без пощады, мог просечь человека до станowego хребта, но сейчас необходимо заставить правдиво отвечать, а не казнить смертью.

– Три, – произнес палач, кнут змеей опустился к щегольским алым сапожкам. Отойдя к стенке, он словно растворился в ней, стал как предмет мебели.

– Больно, Феденька? – участливым голосом поинтересовался дьяк, поправил железные очки и внимательно посмотрел на страдальца. Тот висел с раскрытым ртом и расширенными глазами на аршин над землей. Опознать в окровавленном оборванце Романова Федора Владиславовича, миллионера, хозяина множества успешных бизнесов и просто везунчика по жизни, решительно невозможно. На лице читалось страдание от чудовищных и абсолютно незаслуженных мук. Но дьяк, в силу особенностей профессии, не принадлежал к числу людей, которые восприняли бы это выражение лица слишком уж всерьез.

Пытаемый поднял голову, хотел выкрикнуть, но вышло хрипло и невнятно:

– Господи, все скажу... – голова вновь упала, явив миру крупные завитки седых и грязных волос, плотно покрывавшие макушку.

– Не поминай Господа нашего всуе, – по-отечески покачал головой дьяк и добавил, – говорил же я тебе – не запирайся, а ты упрямисься! Три дня уже мне голову морочишь! Не хорошо это: и себе лишние муки телесные, и нас задерживаешь. Словно нам заняться нечем, как выслушивать твою лжу!

Дьяк слегка поджал губы, придвинул поближе к узкому конусу света вокруг свечи бумаги и принялся читать нараспев:

– Оный Федька расплачивался в кабаке золотой цепью. Целовальник взять ее не взял, позвал стрельцов. Далее этот Федька крикнул: «Слово и дело государево!» Посему воевода Иван Дмитриевич приговорил Федьку отправить под крепким караулом в Москву, в Разбойный приказ. При оном Федьке найдены: пистоль один, книжицы разные, писанные русскими буквами, но не по-нашему. Денег же не найдено. А еще колдовская тарелка квадратная. Когда Федька восхочет, она показывает облыжные картинки на государя и вещает человеческим голосом.

Дьяк оторвался от бумаг и поднял укоризненный взгляд на страдальца.

– Правда сие? Подтверждаешь?

Допрашиваемый поднял голову на дьяка. Обильные слезы потекли из его глаз, разбитые в кровь губы задрожали в бесшумном плаче. Разве мог он представить, что путешествие

в Москву, с целью стать фаворитом и наставником царя Петра, закончится в пыточном подвале Разбойного приказа? Когда, через месяц странствий по дикой уральской тайге и не менее диким башкирским степям, он вышел к русским землям, то уже думал, что испытания закончились, и все будет хорошо. Но в Казани, когда он обедал в харчевне, по навету кабатчика чудного посетителя, странно изъяснявшегося, не ведавшего обычая, схватили стрельцы. Его обвинили, что он фальшивомонетчик. Видите ли, не бывает таких золотых монет, какими он расплачивается. В далеком детстве Федор читал Петра 1 Толстого. Тех, кто произнес волшебные слова «Слово и дело!», немедленно отправляли в Москву. Этим последним шансом он и воспользовался себе на голову.

Вздвогнув всем телом, Федька произнес плачущим голосом:

– Из 2011 года я, из будущего! Нас целый город перенесло к вам в прошлое. К царю Петру я спешил, чтобы упредить его и помочь...

Дьяк укоризненно покачал головой, несколько мгновений молча смотрел в серое, запавшее лицо пытаемого, потом искривил губы в ласковой усмешке:

– Все упираешься? Воруешь, на государя злоумышляешь, так и ответ умей давать, а что же я так-то бьюсь с тобой? Мне правду знать нужно! А не сказки тобой рекомые. Колдовал?

Дьяк повернулся к внимательно слушавшему разговор палачу. У висящего на дыбе жилы надулись от натуги:

– Все скажу, все признаю, только скажите! Хоть колдовал, хоть что! – выдавил из горла Федька.

– Все отпираешься, – укоризненно покачал головой дьяк и сделал знак палачу.

Тот подошел поближе, примерился.

– Пять, – жестко приказал дьяк.

Заплечных дел мастер размахнулся кнутом, с хеканьем ударил, падая вперед. Свистнуло, раздирая воздух, кнутовище. Судорога прошла по давно не мытому телу. Федька коротко простонал.

Резко пахло мышами.

"Мышей нынче у нас развелось", – подумал дьяк и поморщился, – "все хочу попросить в аптеке мышьяку, да забываю, записать что ли где?"

Иван Стрижов вновь полоснул с оттяжкой концом кнута между лопаток, тело разорвал до мяса. Пытаемый закричал, брызгая слюной:

– Все скажу!

На пятом ударе голова вяло мотнулась, упала на грудь, из прокушенной губы потекла струйка крови на остатки рубахи. Палач мягко подошел к висевшему, потрогал его, покачал головой.

– Надо снимать, а то помрет, сердце слабое.

Дьяк вытащил платочек и вытер губы. Иван – палач опытный. Если говорит, что помереть может, так оно и есть. Лучше не рисковать.

– Хорошо, отложим до завтра, сними, оботри хлебным вином, смотри, что хочешь делай, но чтобы не помер!

На лестнице, ведущей в подвал, послышались тяжелые шаги, закрипели старые доски под грузным телом. Дьяк нахмурился, настороженно повернул голову к входу. Кого это нелегкая несет?

Скрипнула, открываясь, дверь, в проеме показался сам князь Федор Юрьевич Ромодановский – глава Преображенского приказа розыскных дел. В горлатной боярской шапке и в двух шубах – бархатной и поверх – нагольной бараньей, в руке изукрашенный посох. Выглядел он внушительно и, для знающих, кто это, страшно. Слава по Москве у него шла специфическая. Говорили, какого дня крови изопьет, того дни и в те часы и весел, а которого дни не изопьет, то и хлеб в горло не лезет. Позади – слуга с факелом в руке. Дьяк переменялся в лице, вскочил,

вместе с Ивашкой Стрижовым торопливо склонился. Князь брезгливо огляделся, со свету и не разберешь, где что. На дыбе висел окровавленный страдалец с закотившимися глазами, рядом заплечных дел мастер. Боярин сурово нахмурился. Шевельнув закрученными усами, мотнул толстым лицом. Глаза выпучились, словно у рака. Спросил густым басом:

– Ну что там у тебя, насмерть запороти, ироды?

Страшно смотреть в выпученные как у совы темные глаза боярина. Грузный, чрево впереди него висит, бороду давно брил, усы закручены как у таракана, нос крючком нависает над толстыми губами. Ближник, почти всемогущий, самый доверенный царя Петра. Чуть что не так, со стольного города улетишь в лучшем случае в Сибирь. Ромодановский беспощаден и крови не боится.

– Как можно, батюшка-князь, – дьяк мелко обмахнул себя крестом, залебезил, – сомлел, завтра вновь на допрос возьмем.

– Смотри у меня! Крапивное семя! – боярин погрозил толстым как сосиска пальцем, тяжелой походкой, постукивая посохом, прошел к скамье у стены, уселся, рядом столбом застыл слуга.

– Что сказывает? – боярин обратил тяжелый взор на дьяка.

– Все так же, батюшка-князь, сказки сказывает про какой-то город из будущего, к нам перенесенный, а сам не знает, какой год сейчас. – Дьяк мелко-мелко затрясся, хохоча грудью. Остановился, бросил многообещающий взгляд в сторону пытаемого и застывшего рядом истуканом заплечных дел мастера, – Заставим! И не такие у нас пели!

Ромодановский злобно глянул. Неодобрительно пошевелив усами, тяжело уставился на сжежившегося дьяка. Вздыхнув, огладил усы, напряженно размышляя о чем-то.

– Про город он не врет, – вполголоса задумчиво обронил князь, немного помолчал, продолжил, – вот что, обмыть и занести в мою карету, сам буду допрашивать! То воля государева, а с Тихоном Никитичем то обговорено, – он протянул дьяку бумагу, – вот грамотка от боярина твоего.

Дьяк, скрывая удивление во взгляде, пробежался по листку глазами. Все верно, грамотка писано собственноручно боярином Стрешневым Тихоном Никитичем – главой Разбойного приказа. Он торопливо согнул спину, одновременно делая знак палачу быстрее развязывать страдальца:

– Сделаю, князь-батюшка.

Боярин тяжело поднялся. Ну вот, будет лишняя игрушка Петеньки, неожиданно тепло подумал он. Любит он всякие диковинки, а что может быть чудеснее, чем город из будущего? Ужо послужу я царю! Оба: и дьяк, и палач вновь согнулись в угодливом поклоне. Постукивая посохом, боярин направился на выход из подвала. Неожиданно остановившись, повернулся, обдав дьяка подозрительным взглядом:

– И диковины его принеси, да упаси тебя господь, если хоть что пропадет!

Не дожидаясь ответа, повернулся, вышел из подвала. Скрипнула, закрываясь за слугой, дверь, шаги удалились. Палач, снимая вокруг висящего на дыбе тело, начал суетиться, а дьяк уселся назад. Поджав губы, сложил пальцы домиком и принялся размышлять. «Может, оставить чего? Нет, страшно, узнает чего, шкуру кнутом до костей обдерет!» Дьяк содрогнулся, затем мысли его перенеслись на пленника. «Что-то тут нечисто! Зачем самому могущественному во всей Москве после царя человеку колдун? Или не лжа, сказки про город из будущего? Надо все обсказать благодетелю князю Борису Алексеевичу Голицыну. Хоть и в большой опале его сродственник князь Василий Васильевич, да Голицыны род большой, в Думе сидят да и не на всех опала. Глядишь, вспомнят обо мне в своих милостях!»

\*\*\*

За месяц до событий в пыточной избе Разбойного приказа.

Александр, с пистолетом, приставленным к голове будущего тестюшки, застыл у открытой двери мэровского «вольво». Ненавидящие глаза продолжают буровить зрачки Соловьева, тот отвечает не менее яростным взглядом. Общение будущих родственников идет успешно. Пахнет дымом, кровью и пролитой соляркой. С каждым мигом все больше чадит из-под капота, ехавшего впереди джипа охраны. На мокром асфальте валяются два окровавленных тела в форме национальных гвардейцев, один продолжает слабо шевелиться и жалобно подвывать. Еще одно тело валяется рядом с «вольво». Одно движение окаменевшего на спусковом крючке пальца, и первый мэр города попаданцев отправится на небеса или в ад. Впрочем, это как ключник Петр определит после составления баланса грехов и добрых дел.

– Александр! – донесся со спины разъяренный командирский рык.

Не опуская дуло пистолета от лба Соловьева, молодой офицер посмотрел назад. Позади с гневным лицом стоял начальник городского отдела ФСБ. За ним пара экипированных в такие же доспехи как у Александра пограничника. Молодого офицера они разглядывали многообещающими взглядами.

– Старший лейтенант Петелин, немедленно опустите оружие, я приказываю, – уже тише рявкнул фсбшник, – арест Соловьева поручен мне, а тебе только его задержание!

Александр катнул желваками, рука медленно опустилась. От нервного напряжения задержался глаз, задрожали губы. Такого даже в экспедиции к джунгарам с ним не происходило, подумал он. Погорячился. Все же одно дело застрелить в бою врага, совсем другое хладнокровно убить безоружного, он же не киллер ... Тем более что Олюшка вряд ли простит ему смерть единственного родственника...

Бывший градоначальник тихонько выпустил воздух меж стиснутых зубов, на лице появилось выражение величайшего облегчения. Жить хочется всем, независимо от возраста. А намерения молодого офицера он прочитал по глазам. Александр, пропуская фсбшника, отступил от машины на пару шагов, продолжая сверлить ненавидящим взглядом тестюшку. Внезапно у Соловьева дико заболела голова. Из него, казалось, выпустили воздух; он сидел бледный, потрясенный и беспомощный, взгляд потух. Его вынужденное бесстрашие закончилось, сейчас перед молодым офицером предстал не полновластный владыка города попаданцев, лишь вчера строивший планы покорения России, а больной старик, мечтавший лишь об одном – о покое.

На непроницаемом лице фсбшника не отразилось ничего из того, что творилось в его душе, лишь в глазах горел блеск торжества.

– Виктор Александрович, Вы арестованы по подозрению во взяточничестве.

Какие взятки, они что, с ума сошли, успел подумать Соловьев, как послышалась новая команда:

– Руки!

Через миг на запястьях Соловьева защелкнулись металлические браслеты наручников. Вот и пригодилась моя папочка – с удовлетворением подумал фсбшник. Пойдешь под суд и срок получишь до конца жизни...

Ладонь Александра судорожно сжала пистолетную рукоятку. Они что, другого повода не могли найти, подумал он. Затем в памяти разом всплыл прочитанная в инете информация. Даже Аль Капоне, знаменитого американского гангстера, сумели осудить именно за экономические преступления. А чем городской мэр хуже? Он злорадно усмехнулся. Главное арестовать, а нужные статьи для Соловьева найдутся!

\*\*\*

Переворот прошел тихо и почти бескровно. Кроме двух погибших нацгвардейцев и нескольких раненных в короткой перестрелке у мэровского кортежа, никто не пострадал. Конечно, если не считать свернутые челюсти и разбитые лица. Уже через полчаса после начала переворота заговорщики контролировали администрацию, узел связи, вокзалы, телевидение, все здания силовиков. Несколько машин с задержанными, в основном из администрации, скры-

лись за высокими железными воротами, окружавшими горотдел полиции. В маленьком провинциальном городе невозможно что-либо скрыть от любопытных глаз. Вскоре о перестрелке в районе администрации, трупам и появлении вооруженных людей на важнейших объектах города знали все. Вздурораженные слухами горожане высыпали на улицу. Самые невероятные сплетни циркулировали на скамейках рядом с подъездами и в городской сети. Еще больше подогрела ажиотаж бегущая по экранам телевизоров строка: «В одиннадцать часов по телевидению и проводному радио будет передано важное сообщение от городской администрации».

Степан Викторович Чепанов – глава победившей революции, ибо путчи бывают только неудачными, а удачные – это революции, ровно без пятнадцати минут до указанного времени зашел в кабинет директора телевидения. В одиннадцать утра улицы города вымерли, все занятые на работе население застыло перед экранами. Чепанов расположился за аккуратным столиком в студии новостей. Сквозняк от раскрытого окна, развеивал знамена за его спиной: города и уже почти полузабытый бело-сине-красный стяг Российской Федерации. В парадной форме, с длинным иконостасом медалей на груди, Степан Викторович выглядел внушительно и импозантно, а новенькая кобура на боку добавляла ему воинственности. Лишь немногие знали, что медали – ведомственные МВД и МЧС, что, впрочем, не умоляла его личного мужества. Пожарный – профессия героическая, связанная с повседневным риском для жизни.

Глядя в глаза горожанам, Степана Викторовича объявил, что Соловьев отрешен от должности временным военным советом. В вину бывшему мэру вменены уголовные преступления: взяточничество и попытка развязать гибельную для города войну с русским царством. Последнее, по словам Чепанова, стало крайней каплей, вынудившей военных отстранить прежнего мэра от должности, и что решением совета он, Степан Викторович Чепанов, назначен временным главой города. Подождав, пока зрители переварят неожиданные известия, он, поглядывая в невидимый листок, зачитал:

– Я прошу горожан вести себя ответственно. Строго выполнять законы и постановления Собрания депутатов. В мире, куда мы попали, по-прежнему семнадцатый век, и при малейшей розни среди нас внешние силы попытаются разорвать город, а жителей превратить в рабов. Я требую дисциплины и предупреждаю, что все противоправные действия будут немедленно пресекаться, в тоже время законопослушным гражданам ничего не грозит. Никаких огульных репрессий не будет. Резких изменений в промышленной и экономической политике я не планирую. Экономический курс, взятый прежней администрацией, на создание крепкой армии, развитие сельского хозяйства, освоение уральских месторождений, развитие промышленности, создание металлургии и химической отрасли будет продолжен.

Говорил он недолго и, еще раз призвав вести себя ответственно, исчез с экрана. А появившаяся ему на смену слегка растерянный диктор объявила изменения в сетке телепередач. Следующим будет фильм «Они сражались за Родину».

После обеда состоялось внеочередное совещание городского Собрания. С утра машины за слугами народа направил временный начальник полиции. У дверей администрации растерянных и бледных депутатов встречал стальной утюг БТР, рядом мрачно застыли одетые в полную экипировку вооруженные бойцы. Глаз под тонированным стеклом шлема не видать, целится, нет? Не понятно, но страшно. В зале заседаний, на втором этаже, подходивших депутатов встречали члены временного военного совета. Часть народных избранников так и не сумели найти, а некоторые, наиболее близкие к Соловьеву, находились в КПЗ, впрочем, кворум собрать удалось. С вступительным словом выступил временный глава города Чепанов. В его глазах едва заметно горел огонек торжества и тщательно скрываемого беспокойства. Коротко пересказав претензии к прежнему мэру, он заверил депутатов, что экономический курс останется прежним и предложил принять постановление об изменениях в Уставе города, отрешении от должности Соловьева В. А. и выборе нового главы города. Депутаты, искоса поглядывая

на мрачно смотрящих на слуг народа военных, единогласно проголосовали за предложенный документ. Воздержавшихся и противников не оказалось:

«Об изменениях в Уставе города, и отрешении от должности Соловьева В. А., и выборе главы города»

В соответствии с ст. 2, 3 Конституции Российской Федерации, Постановлением № 78 от 20 апреля 1689 г. «О сложившейся экстраординарной и чрезвычайной ситуации в городе» в связи с утратой доверия к Соловьеву В. А. и в целях гарантирования прав, свобод и жизни жителей города

Собрание депутатов города РЕШАЕТ:

1. Утвердить изменения в Уставе города (Приложение 1).
2. Отрешить от должности Соловьева В. А.
3. Назначить на должность главы города Чепанова С. В.
4. Настоящее решение вступает в силу с 15 августа 1689 г.

С. В. Чепанов

На следующее утро после переворота в кабинете главы города заседало трое. На хозяйском кресле восседал Степан Викторович Чепанов. Обычно он предпочитал носить форму или что-нибудь в стиле милитари, но на этот раз Степан Викторович изменил собственному обыкновению. Все-таки статус главы города обязывал. Гражданская одежда – брюки и светлая рубашка – придавала ему вид строгий и значительный. Перед ним, за приставным столом, на самом краешке стула расположилась светловолосая женщина неопределенного возраста, между тридцатью и сорока. Напротив нее – высокий худой мужчина с недовольным лицом и глубокими залысинами на когда-то буйной шевелюре. В руке он держал увесистую папку. Оба – чиновники администрации, и сейчас исполняли обязанности временных начальников управлений, женщина – финансов, мужчина – промышленности и планирования. Новый глава города не стал ничего менять из обстановки кабинета, только из угла кротко взирала потемневшая икона. Тишина, шуршат бумаги в папке, лежащей на девственно чистом столе. Взгляд Степана Викторовича стремительно перемещался по строчкам. Время от времени он недоуменно хмыкал и бросал то удивленный, то пытливый взгляд на сидевших перед ним людей, от чего те заметно нервничали. Несколько раз брал красный фломастер и что-то подчеркивал. Наконец, прошуршал последний лист. Степан Викторович отодвинул в сторону папку и откинулся на кресле. Пару секунд он с некоторым изумлением разглядывал сидевших перед ним чиновников. То, что шло разбазаривание невосполнимых ресурсов, он понимал, но вскрывшиеся масштабы его поразили. Должность досталась далеко не сахар, разгрести авгиевы конюшни придется ему. Да за то, что сотворила прежняя команда администрации, нужно не только гнать с должностей, под суд или коровам на ферме хвосты крутить! На миг он устыдился. Гнев – смертный грех! Он повернулся к углу, откуда на него с древней иконы кротко взирал истощенный лик. Это помогло успокоиться. Сняв и сложив очки, новый глава города аккуратно положил их на стол.

– Да, намутили вы с Соловьевым. За такую растрату невосполнимых ресурсов сажать нужно, – с горечью произнес Степан Викторович. Покрутив головой, с озабоченным видом побарабанил пальцами по столу.

По лицу женщины пробежала тень, она промолчала, лишь сжалась на стуле, словно стремясь спрятаться. Мужчина наоборот покраснел.

– Степан Викторович! – возмущенным тоном произнес врио начальника управления промышленности и планирования, – я докладывал руководству о состоянии дел! Но меня никто не хотел слушать! Вот, – он потряс зажатой в руке папкой, – мои докладные!

– Да что мне Ваши докладные, – поморщился новый градоначальник и обвел озабоченным взглядом подчиненных, – что делать будем? Есть у вас предложения?

– Да, Степан Викторович! Я готов их предоставить Вам, – мужчина прервался, чтобы взглянуть на ручные часы, – через час.

– Хорошо, я жду Вас в десять часов. Можете идти.

Оба, мужчина и женщина, поднялись, но уйти не успели, Чепанов остановил их вопросом:

– На уборку урожая солярки хватит?

– Что? – с недоуменным выражением лица уставился на начальника мужчина, потом, видимо, до него дошел вопрос. Торопливо кивнув, пояснил:

– Хватит, но после останется не больше десятка тонн.

Хлопнула, закрываясь, дверь, новый мэр остался в кабинете в одиночестве. Ему необходимо готовиться к намеченному на одиннадцать часов активу города. Он собирался рассказать о приоритетах новой администрации директорам, частным предпринимателям, активистам и просто заслуженным людям города.

Для горожан после смены главы города внешне ничего не изменилось. Поэтому перемену власти они встретили довольно равнодушно. Видимо все, кто мог и, главное, хотел сбежать во внешний мир, уже сделали это. Люди все также ходили на работу, все также сохранялась карточная система на многие продукты и вещи. Впрочем, горожане сразу заметили, что новая власть повела себя намного скромнее прежней. Перестали мелькать на улицах дорогие автомобили, проматывавшие невеликие запасы дизельного топлива, бензина и машинных масел. Мэр, администрация и городские элиты пересели на такие же «переделки», как и обычные горожане. Горожан, стоявших в очереди нуждающихся в жилье, начали постепенно переселять в бесхозные квартиры. Кто-то во время Переноса всей семьей отдыхал на юге, кто-то гостил в областном центре, они остались в будущем, а их квартиры и дома остались незанятыми. Мебель, документы и личные вещи прежних хозяев сдали на хранение, а новые владельцы заселились на ставшую свободной жилплощадь. Особых репрессий по отношению к прежним властью имевшим не последовало. Большинство арестованных в день переворота чиновников администрации, директоров и чинов полиции через несколько дней отпустили, правда, должностей никто из них не сохранил. Только Соловьев с несколькими особо замаранными в махинациях соратниками остались в КПЗ. Следствие по ним продолжалось, и к зиме намечался суд.

Город продолжал преобразовываться. Обороноспособность и у новых властей стояла на первом месте. Поэтому химическую промышленность создавали в приоритетном порядке. Подальше от жилых районов, за Велькой, на территории недостроенного завода поднялись коробки нескольких производств. Стараниями городских рабочих и ученых сельхозакадемии заработала самодельная установка для производства из воздуха азотной кислоты. Правда, процесс получился крайне энергоемкий, и установку запускали только в ночное время, но потребности города она перекрыла на сто процентов. Впрочем, в положении попаданцев экономить на производстве пороха (а кислота нужна в первую очередь для его производства) глупо. Рядом задымили трубы маленького спиртзавода, производившего концентрированный 96 % спирт. До урожая картофеля его гнали из опилок методом гидролиза с применением серной кислоты. В свою очередь ацетон и серную кислоту высокой очистки и доведение спирта до концентрации 99% пока проводили только в химической лаборатории сельхозакадемии. Хлопок, а это почти чистая целлюлоза, для производства пороха брали из привезенных среднеазиатскими купцами в обмен на городскую продукцию партий. Вести о таинственном городе, где производятся настоящие чудеса, за лето успели облететь самые отдаленные уголки бескрайней евразийской степи Урала и Сибири. На городской торгов спешили караваны из Хивы, Бухары, других среднеазиатских городов, русских владений на Урале и Сибири. В результате за август химики произвели значительную партию бездымного пороха, почти сто килограммов. Объемы производства сдерживал лишь дефицит серной кислоты. А вот чтобы ее произвести, необходима сера. Без ее промышленной добычи о развешивании полноценного производства взрыв-

чатых веществ и порохов можно только мечтать. Первого сентября на место, где в будущем поднялся город Карабаш, направилась промышленно-геологическая экспедиция. В месторождениях серно-и медноколчеданных руд содержание серы доходило почти до пятидесяти процентов. Задачу экспедиции поставили следующую: наладить добычу и доставку в город руды караванами аборигенов. А пока приходилось перебиваться редкими поставками серы от казахов и Строгановых.

Часть станочного парка, оставшаяся на заводах еще с советских времен, когда на заводах работали многие тысячи рабочих и инженеров, в той или иной степени убитости и разукomплектованности, удалось привести в работоспособное состояние. После переборки из трех убитых восстанавливали один, но рабочий. Потом доукомплектовывали не до конца убитые. Не подлежащие восстановлению разбирались, по крайней мере станина еще могла пригодиться. Появившегося станочного парка должно хватить на развертывание еще нескольких заводов.

В сентябре начался сбор урожая хлеба и картошки. С погодой попаданцам повезло, осень стояла сухая и холодная. Уже со второй половины месяца по ночам тонкий слой инея ложился на ветки и листья деревьев, чтобы утром растаять ледяной каплей. Понимая, что создание запасов продовольствия, достаточных, чтобы продержаться до нового урожая, без горючего для техники невозможно, оставшиеся запасы солянки и масел почти полностью передали сельчанам. В помощь деревенским в уборке картофеля бросили старшеклассников, трудовые «каникулы» продлились почти месяц. Вместе с техникой двадцать первого века на поля вышли первые десять прошедших испытания тракторов собственного, городского производства – «Сельчанин». Конечно, это не то, к чему привыкли избалованные обитатели двадцать первого века, но в целом техника деревенским понравилась. Герметичная кабина с встроенным каркасом безопасности из труб предохраняла тракториста в случае опрокидывания. Отопление, вентилятор и подрессоренное сиденье делали работу водителя достаточно комфортной, а широченные колеса большого диаметра давали возможность передвигаться по пашне, не утрамбовывая почву. Неприхотливый в обслуживании «Сельчанин» прощал ошибки в вождении и, главное, работал на всем, что горит. После насыщения села тракторами следующим этапом планировалось мелкосерийное изготовление собственных автомобилей, прежде всего грузовых.

Хлеба городу нужно много, а нужных объемов не могли подвезти ни казахи (они не сеяли хлеб), ни среднеазиатские ханства (своего не хватало), ни Строгановы. Дорога от последних длилась месяц, а из-за волоков большие объемы привести невозможно. Так что дефицит хлеба в городе ощущался серьезный. Все поменялось в сентябре. В первый выходной день потрясенные горожане при отоваривании карточек в придачу к опостылевшей мясорыбной диете получили по буханке еще горячего и потрясающе пахнущего хлеба. Довольные эффектом продавцы поясняли, что нормы поменялись и впредь хлеб станут продавать из расчета по буханке на семью в день. Мало кто сумел донести до дома хлеб целым, не отгрызая потрясающую вкусную корочку.

На день знаний перед школами столпились взволнованные юные жители города и их родители. С нового учебного года обучение организовывали по обновленной программе. Ряд таких предметов, как информатика, экономическая география, история сокращались, полностью или частично, или их изучение передавалось в сельхозакадемию. Количество часов программ «гуманитарного» назначения сокращалось в пользу начальной военной подготовки, уроков труда, естественно-научных дисциплин и изучения традиций Руси семнадцатого века. Как обращаться к представителям разных сословий, как поклониться и многое другое – эти знания стали жизненно необходимы для выживания попаданцев.

Распечатка десятков тысяч электронных книг с лазерных дисков с библиотеками, домашних компьютеров и серверов городской сети, начавшаяся в первые дни после Переноса, завершилась. Многие тысячи справочников, пособий, учебников и другой литературы по всем

направлениям науки и технологий двадцать первого века пополнили фонды городских библиотек, включая технические при заводах, сельхозакадемии и вертолетного отряда. Вся необходимая литература или, по крайней мере, большинство нужной для создания новых производств оказалась в руках попаданцев. Оставалось осмыслить информацию и с толком применить.

Мастерград планировал превратиться в континентальный центр металлургии и металлообработки. Вытеснить с рынка кустарей и мануфактурщиков Европы и Азии качеством и ценой изделий. Планируемые для разворачивания на территории Российского царства непрофильные для города производства, хотя и несоизмеримые по техническому уровню с попаданческим, должны на голову превосходить лучшие европейские. Со Старым Светом попаданцы не собирались церемониться. Почему не повторить с Европой фокус, который Англия провела по отношению к бенгальским ткачам? Только немного по-другому. Завалить ее дешевой и качественной продукцией! Как вели себя европейцы по отношению к народам Азии, Африки и Америки, попаданцы прекрасно знали. Вместе с колонизаторами туда приходили: геноцид коренных жителей, самые дикие формы рабовладения, уничтожение культур и государств аборигенов. Долг платежом красен... Безработицу, разорения от конкуренции с продукцией России и Мастерграда попаданцы намеревались экспортировать в Европу... судьба...

Совсем по-другому попаданцы собирались действовать в России. Появление мастерградских стальных, железных и чугунных изделий, новые производства в России неизбежно сделают ненужными десятков тысячи кустарей: кузнецов, оружейников, металлургов и других. Это объективный процесс, связанный с техническим прогрессом. Он уже происходил в истории, известной попаданцам, только растянуто на десятилетия и столетия. Руководство Мастерграда ставило перед собой задачу провести процесс быстро и максимально безболезненно. Ибо вспомогательных и непрофильных производств Мастерграду понадобится столько, что всего городского населения России не хватит для работы на них. Будет желание, безработным не останешься!

Ровно через неделю после ареста Соловьева Александр расписался с Олей. После загса по настоянию новоявленной жены служебный автомобиль (его выделил Изюмов) подъехал к Храму Живоначальной Троицы. Отец Михаил, неформальный глава «попаданческой» церкви, торжественно обвенчал новобрачных. Оттуда они отправились в новый дом. Постановлением Чепанова за выдающиеся заслуги перед городом во время войны с джунгарами Александру выделили квартиру из числа ставших бесхозными. Автомобиль остановился у подъезда, жених, нет, уже муж, вышел. Открыв дверь, подхватил на руки улыбающуюся жену. Легонькая какая, подумал он. Парень был счастлив...

Из особняка Соловьева полицейские вынесли из дома два тяжелых по виду чемодана, на машинах с включенными мигалками доставили в казначейство. По слухам, там было полученное от казахов золото. Затем власти опечатали пустой особняк Соловьева.

\*\*\*

Ночь укрыла звездным одеялом древний Урал. Жители города попаданцев, конечно, кроме тех, кому по долгу службы или из-за работы в ночную смену пришлось бодрствовать, спали. Казачья ватага, так предпочитал называть собственную банду бежавший из города бывший уголовник по кличке Чумной, ставший атаманом, тоже отошла ко сну. После долгого дневного перехода она встала на ночевку в крохотной деревушке в нескольких конных переходах от Казани. На вершине холма хаотично разбросаны курные избы. Вокруг убогие бревенчатые заборы, подсыхают небрежно разбросанные по территории после недавнего дождя «благоухающие» кучи навоза и золы. Около домов телеги, на них приехала ватага. Деревенские избы семнадцатого века, конечно, не пятизвездочный отель в Турции, но лучше, чем ночевка под открытым небом. После побега из города Сергей Волохов, предпочитавший, чтобы его называли по кличке, полученной в местах, не столь отдаленных, Чумным, «повеселился» на славу. Селения кочевников, на собственную беду проживавших около города попаданцев, он

вырезал до последнего человека, не щадя ни малого, ни старого. Добравшись до территории, где проживали русские, он поумерил пыл, но и там отметился грабежом, изнасилованиями и убийствами. Сопротивляться ему не могли. Оружие двадцать первого века давало решающее преимущество над вооруженными холодным оружием и мушкетами с кремневыми пистолями аборигенами. Дойдя до Волги, он собирался спуститься вниз, дальше уйти на Дон, к казакам. А там посмотрим, куда воровской фарт приведет.

В деревне, как водится, вначале выгребли все, представляющее ценность, побили мужиков, пытавшихся отстоять добро, но без злобы, не до смерти. Потаскали девок на сеновал, к вечеру утомонились. В затянутых бычьими пузырями окнах ни огонька. С краю деревни пылает, разгоняя мрак, трещит угольками небольшой костер. Тишина, лишь кричат в лесу, сразу за околицей, неугомонные птицы. Покой ватажников охраняла пара часовых. Один – попаданец, почти четыре месяца тому назад сбежавший из города вместе с Чумным. Второй был из числа принятых в ватагу то ли казаков, то ли гулящих людей. Ночь, скучно. Лишь изредка побрехивают дворняжки, оказавшиеся достаточно умными, чтобы накануне спрятаться и не угодить ватаге под горячую руку. Небо в звездах, но серп луны – узкий, новолуние и почти не дает света. На земле темно. Часовые, позевывая и беседуя, неторопливо вышагивали вокруг дальних изб.

*Гулящие люди – вольные люди из низших слоёв общества, свободные от государственных повинностей и живущие работой по найму.*

– Как тебе Марфа? – спросил тот, что повыше ростом, и поправил висевшее на плече охотничье ружье.

– Сисястая, добрая девка, и задница ничаво... – с завистью в голосе ответил второй, из местных. Шальные бабенки, из тех, кто вкусно есть и сладко пить любит, а работать нет, прибились за долгое путешествие к ватажникам. Одна из них стала подружкой атамана, остальные жили с рядовыми казаками.

Попаданец довольно улыбнулся и подкрутил ус – Марфа его женщина. За время после Переноса большинство ватажников отпустили усы, а многие и бороды. Внешним обликом, если бы не странная для семнадцатого века одежда, они уже никак не отличались от аборигенов.

– Б...ь – выругался ватажник из местных.

– Что там? – лениво поинтересовался первый.

– Да вступил в дерьмо! Разбросали, свиньи! – злобно прошипел собеседник, очищая от налипших нечистот сапог о траву.

Первый задрожал плечами, коротко хохотнул.

– Смотреть под ноги нужно, – наставительно изрек и поглубже запахнул куртку. Стало холодать. Тут же добавил, – пошли, нам еще два часа на стреме быть. Второй кинул на него злобный взгляд, но промолчал.

Зашагали дальше. Туча закрыла луну, стало еще темнее.

– Слушай, а чего ты к нам прибился?

Местный помолчал, вопрос был ему неприятен, но все же ответил.

– Батя у меня стрельцом был. Лавочку держал, тогда жили неплохо. Как царевна Софья править начала, то ни денежным жалованием, ни хлебным не обижала. А как батюшку в карауле воровские люди до смерти убили, хоть волком вой. Три года как минуло. Нас семеро было да мамка. Я старший из мужиков в семье. Как жить? Хоть сам в холопы иди. Прибился к разбойникам, а там... – он досадливо махнул рукой.

– Понятно, – задумчиво протянул первый и пошел вперед. Все произошло, когда они подошли к крайней избе.

Позади раздался невнятный хрип. Звук настолько тихий, что лишь инстинкт бывалого уголовника помог почувствовать неладное. Кровь резко, толчком, ударила в голову. Молниеносно развернувшись, на ходу сбросил ружье с плеча. Товарищ со стрелой в шее, ее острие наполовину вышло с противоположной стороны, тяжело оседал на землю. Приклад стремительно взлетел к плечу, но нажать спусковой крючок он не успел. Словно ниоткуда возник человек с саблей в руке. Взвизгнул над головой клинок. С правого плеча, наискось, развалил урку до пояса. Уже мертвый человек рухнул на окровавленную землю.

Запоздало забрехали уцелевшие собаки, мелодичный свист стрел, и вновь ночная тишина. Из-за облаков выглянул серп луны, высветив убогие избы деревушки. Подчиняясь неслышному приказу, по десятку тени бесшумно, словно волки, подскочили к обеим избам, в которых расположились на ночь ватажники. Действия неизвестных напоминали работу хорошего спецназа из двадцать первого века. Также слаженно и молча. Для безопасности ватажники ночевали компактно, лишь атаман с кралей спали отдельно. Одна изба чуть побогаче, в окнах слюда, другая простая развалюха. Часть нападающих осталась на улице, скинув с плеч массивные мушкеты, нацелили их на выходы и окна, тихо щелкнули курки. Остальные склонилась у дверей. Блеснули кинжалы, просунутые между косяком и дверью, короткая возня, едва слышно скрипнуло. Несколько теней, с кинжалом в одной руке и длинным кремневым пистолетом в другой, одна за другой нырнули вовнутрь. Несколько минут ничего не происходило. Внезапно раздался мучительный крик умирающего человека. Следом деревню разбудили шум борьбы, крики. В доме кипел бой.

*Краля – любовница, блатной жаргон.*

«Бах, бах!» Почти дуплетом прозвучали из избы. Понеслось! Мужчина с дымящимся обрезаем в руке возник в дверном проеме, вскинул оружие.

«Бах, бах» – поприветствовали его мушкетеры, на секунду высветив вырвавшимся из дул пламенем замшелые бревна избы. Две тяжелые мушкетные пули ударили в грудь, мужчину смело назад, внутрь избы, однако за миг до этого он успел вдавить спусковой крючок, на конце ствола расцвел ярко-желтых цветов.

– Аааа! – сдавленный вопль, один из мушкетеров сложился пополам, рухнул на землю. Второй лишь бросил на погибшего или раненного короткий взгляд и склонился над оружием, торопливо перезаряжая.

Сергей Волохов, по кличке Чумной, подскочил с лежащего на полу надувного матраса. На нем он с любовницей Софьей отдыхал после утомительного перехода и стоивших не меньше сил постельных игр. Сердце из груди словно выпрыгивало. На улице совершенно точно, только что выстрелили. Пахнуло опасностью, нет, не опасностью – смертельной угрозой. Откуда? Непонятно, но то, что если он ничего не сделает, это гибель, Чумной понял определенно. В избе темно, лунный свет, проникавший в затянутые бычьим пузырем окошки, едва очерчивает русскую печь в углу и скамейки вдоль стен. Чумной сунул руку под лежащую на деревянном полу одежду, вытащил пистолет. Последний магазин уже в рукояти. Патроны, хотя их и взяли много, заканчивались. Бесшумно и мягко, словно большая дикая кошка, подошел к двери, секунду поколебался.

– Что случилось? – позади послышался тихий женский голос.

Чумной обернулся. Так получилось, что банда не только убивала и насиловала, иногда, пусть невольно, приносили свободу узникам. Девушку отбили в одном из нападений на кочевников. Вся ее семья погибла во время набега на деревню под Казанью. Взятую в рабство девушку использовали как служанку и наложницу. После освобождения идти было некуда, и она прибилась к спасителям. Молодая, всего шестнадцать лет, девушка была хороша собой

и, если бы не цинизм прожившего почти сорок лет бывалого уголовника, он мог считать, что любит ее.

– Стреляли... – Чумной помедлил, – сейчас посмотрю. Мужчина осторожно нажал на дверь. Тихо скрипнув, она приоткрылась. Обе избушки, в которых ночевали остальные ватажники, как на ладони. Оттуда доносятся крики, что-то падает. Несколько секунд, пока глаза привыкали, он ничего не видел. Внезапно сдвоенные выстрелы:

Бах! – и тут же снова Бах. В свете вырвавшегося из мушкетов пламени он увидел одетых в мышинного цвета длинные кафтаны два десятка вооруженных людей, столпившихся перед избами.

«Бах, бах,» – гулко выстрелили в избе. Значит, бой уже идет внутри. Чумной шарахнулся от двери. "Накрыли! Их фарт!" Преимущество оружия попаданцев в скорости и точности стрельбы уравнивалось в ближнем бою, а учитывая подавляющее численное преимущество напавших и их мастерство в владении холодным оружием, шансы отбиться нулевые. Ватажникам уже не помочь. "Думаете, возьмете меня?" Чумной хищно улыбнулся:

– Легавые нашли нас! Взорву дом, всех, кто только тут есть, и себя заодно, а не дамся!

В словах Чумного звучала такая дикая сила, что девушка невольно поверила угрозе. Испуганный взгляд девушки невольно метнулся к стене. Там лежал бочонок с порохом, неизвестными путями приобретенный атаманом. Господи! Да он безумец! Он может это сделать, подумала она с ужасом. Что же делать? Спасти ее может только Чумной. За недолгую жизнь девушки кроме родителей только он проявил к ней участие.

– Сереженька! Да разве так можно, грех это! Нешто нет способа спастись? – с мольбой в голосе прошептала девушка и молитвенно сложила руки на высокой груди. Тонкая рубашка туго натянулась вокруг внушительных, не меньше третьего размера полушариев. Чумной нахмурился. К девчонке он успел привязаться. Значит, нужно спасаться самому и вытаскивать Софью. Их изба не окружена, значит, шанс уйти есть! Осторожно прикрыв дверь, он повернулся к девушке, с беспокойством и надеждой смотрящей на него. Чумной на миг задумался, громко прошептал:

– Не бойсь! Есть способ обмануть легавых! Одевайся, быстро!

Шум в избах, где ночевали ватажники, прекратился, и стоявшие на улице стрельцы ошутимо расслабились. Удалось с малыми потерями взять неуловимую банду, оставившую кровавый след по казанской Украине.

Тра-та-та, – послышался незнакомый и громкий звук из стоявшей позади избы. Не успели стрельцы обернуться, как дверь, словно от сильного пинка, настежь распахнулась. На крыльце показался чудной аппарат. От него исходил сильный свет, слепя людей и заставляя прикрывать глаза руками. Рыкнув на прощание, он молнией промчался мимо опешивших стрельцов, обдав их на прощание вонючим ветром. Несколько запоздалых выстрелов вслед скорее всего никуда не попали. Через считанные мгновения рычащий аппарат скрылся в ночи. Единственным спасшимся стал Чумной и его гражданская жена. Мотоцикл, уберегший от стрельцов, «страстно» желавших познакомиться с главарем банды, главарь всю долгую дорогу с южного Урала вез на телеге среди собственных вещей.

Световое пятно фары освещало пыльную и пустынную по ночному времени дорогу в Казань, глухо тарахтел двигатель мотоцикла. Чумной снизил скорость, от стрельцов оторвались, не хватало теперь по темноте налететь на кочку. Презрительная и немного ироничная улыбка кривила губы атамана.

«Бабах» – яростно ударило по барабанным перепонкам. Чумной притормозил.

– Господи! – его невольная попутчица обернулась и в испуге поднесла руку к губам.

Атаман поставил ноги на землю и обернулся. Огненный гриб над деревней, высветивший на миг полуразрушенные избы вокруг, неторопливо опадал вниз. Он зло, по-волчьи ухмыльнулся:

– Это вам не в бирюльки играть, а со мной дело иметь!

Софья часто закрестилась, губы беззвучно зашептали молитву. Мотоцикл тронулся. Оставляя множество вещей из будущего напавшим и не отмстить не в характере Чумного. Порвав тряпку и сделав из нее узкий жгут, он намочил его в бензине. Самодельный жгут вставил в мешок с порохом. Расчет оправдался. От ближайших домов и нападавших мало что осталось. За товарищей он не переживал. Уж лучше погибнуть мгновенно, чем под многодневными пытками в подвале Разбойничьего приказа.

## Глава 2

Двое стрельцов почти волоком протащили Романова по темному переходу и втокнули в низенькую сумрачную палату. Не удержавшись на ногах, несчастный упал на холодный каменный пол. Низко поклонившись, стрельцы тихонько вышли, плотно затворив двери, встали снаружи. Не поднимаясь с пола, (жизнь в Московском царстве научила осторожности) Романов опасливо поднял голову, огляделся. Застеленный белоснежной скатертью длинный стол, на подставке дымящаяся трубка. Рядом небольшой деревянный ларец. Посредине пылает подсвечник с оплывшими свечами, в красном углу горит лампадка перед строгими потемневшими иконами. Запах сгоревшего воска и табака. На единственном оббитом алым бархатом стуле восседает одетый в щегольский алый кафтан совсем молодой парень, лет восемнадцати. Ясноглазый, улыбчивый, широк в плечах и тонок в поясе. Несколько мгновений тот молчал, с живым интересом разглядывая лежащего перед ним узника. Облик лощеного хозяина жизни из двадцать первого века кардинально изменился. Романов сильно исхудал, лицо заросло буйной полуседой бородой, а в глазах искра безумия. Одет в обноски.

– Ну что, вор, жить хочешь? – весело спросил парень. Дождавшись утвердительного кивка лежавшего на полу мужчины, велел – Повстань.

Романов нехотя поднялся, угрюмо зыркнул вокруг. На столе помимо трубки лежали взятые с собой во время побега из города книги, планшет и пистолет, все, что осталось. Остальные вещи прикарманили люди арестовавшего его воеводы. Романову, после того как его забрал с собой боярин князь Федор Юрьевич Ромодановский, дали подлечиться десять дней, отмыли, откормили. Сегодня вечером, ничего не объясняя, вытащили из камеры в подвале и привезли в возке без окон куда-то за город. «Жаль, что патроны к оружию давно, еще во время странствий по уральской тайге, закончились. Больше я никому не дамся, лучше погибнуть, чем вновь на дыбу.»

Парень посмотрел на узника с превосходством:

– Сказывай, вор, что сие за колдовская утварь? – рука парня указала на лежавшие на столе вещи Романова.

Романов мрачно и испытывающе глянул на парня, прокашлялся, прочищая горло, повторять то же, что он говорил в пыточном подвале, он боялся, а что хочет услышать парень, угадать не мог.

– Как хочешь, боярин, – не зная, кто перед ним, он решил на всякий случай поименовать парня боярским титулом, – так и скажу.

Дверь скрипнула, стремительно распахиваясь, в палату ворвался длинный, как верста, худой парень. Лицо круглое, глаза чуть навыкат, одет в богатый кафтан. Под носом пробивается, как у того кота, темная щетинка усов. С жадным любопытством осмотрел Романова с ног до головы. В глазах мелькнуло разочарование. Допрашивавший узника парень, словно подброшенный, вскочил, торопливо склонил голову:

– Мин Херц.

Не отвечая, вновь прибывший прошел к столу. Сел. Дернул головой. Допрашивающий Романова парень покорно встал позади. Да, это царь. Петр первый, только совсем молодой, сообразил Романов. Несколько мгновений узник и царь смотрели в глаза друг друга, затем Петр

досадливо дернул краешком губы. Романов сообразил. Не любит этого государь русского царства, когда смотрят в глаза, торопливо опустил взгляд на пол. Глаза Петра блестели, радостно оскалившись, он спросил:

– Ну, сказывай, вор, как величают тебя?

– Федор Владиславович.

– Ишь ты, – с непонятым выражением лица хохотнул Петр, – с ичем величаешься. Царь слегка поджал губы и бросил изумленный взгляд на узника. Ну никак он не походил на человека благородного происхождения. Скорее, на пойманного разбойника. Их Петр в последнее время досыта насмотрелся.

– А кто ты по званию, дворянин, граф или князь какой?

Петр повернулся к стоявшему позади парню, произнес насмешливо:

– Ты глянь, Алексашка, кого мы поймали!

Тот басом захохотал. Это Меншиков, кто еще может быть в приятелях у царя, сообразил Романов. Он на миг задумался, затем решил ответить честно.

– Я по-вашему купец, держал магазины у нас в городе.

– Купец, а с отчеством величаешься, ну да ладно, каких только вещей в вашем будущем быть не может, – Петр помолчал, пристально разглядывая узника, – хорошо, пусть будет так.

Романов остолбенел, на лице мелькнула тень растерянности. Несколько мгновений он осмысливал сказанное, затем лицо его просияло, подняв торжествующий взгляд на царя, он гордо вскинул подбородок. Петр знает о городе, о провале из БУДУЩЕГО, с ликованием подумал он. Значит, все получилось! Не зря он пробирался к Москве, терпел нужду, ужасные пытки! Теперь он займет подобающее место при дворе! Царь слегка прищуренными глазами несколько мгновений наблюдал преображение узника, потом неторопливо выпрямился. Романов набрал в рот воздуха, но сказать ничего не успел.

– А скажи мне, Федор Владиславович, что за воры пришли к нам от вас, с Урала – пограбили, побили ясачных башкирцев, позорили деревни под Казанью, а когда настигли их стрельцы, взорвали пороховую мину?

Ремизов растерялся. Слишком мгновенен был переход от надежд на возвышение к обвинению. Петр по-гусиному вытянул шею, ноздри раздуваются, лицо побледнело. Вытянувшись вперед, вонзил взгляд в растерянные глаза узника. Страшно смотреть в выпученные, как у совы, темные глаза царя. Страшная, лютая смерть глядит из их глубины. Романов почувствовал, как у него похолодели ноги, а по спине потекла струйка мерзлого липкого пота. Некоторое время узник боролся с охватившей его растерянностью. Пауза слишком затягивалась, а царь явно не собирался прерывать ее первым. Наконец, Романов растерянно пролепетал:

– Я не знаю, может, это разбойники сбежали из города...

Петр еще несколько мгновений сидел набычившись, потом выдохнул, так ничего не сказав, и выпрямился во весь немалый рост. Жаль, что побили всех воров насмерть, много интересного от них узнать можно – подумал Петр. Да мушкеты их по большей части взрывом разбило. Розмыслы с Пушечного двора научились стрелять из уцелевших мушкетов, но сделать такие же не берутся. Говорят, уклад на них больно хороший пошел, изготовлено зело искусно, повторить такое возможно, но очень дорого. А уж повторить заряды к мушкетам, совершенно невозможно. Одна надежда на стоящего перед ним прищельца. Авось, сможет подсобить...

– Мин Херц, – подал голос Меншиков, – может, и правду купец, а не подсыл, тогда ведать о разбойниках он не может.

– Может и так, – произнес Петр и добавил, повернувшись к Алексашке, – трубку раскури! Пока тот добавлял свежего табаку и, напрягаясь, дул в мундштук, царь в упор рассматривал круглыми, как у окуня, глазами прищельца. От этого взгляда Романов невольно поежился. «Не понравлюсь, ссечет голову с плеч, стоит только вспомнить, как он через несколько лет лично станет рубить головы восставшим стрельцам. Что ему я? Нужно постараться понравиться».

Перед лицом царя прежние планы стать для него наставником показались ему глупыми и наивными.

– Сказывают, Федька, показывал ты картинки живые по колдовской тарелке, покажешь их царю русскому?

– Да, да! Конечно! – суетливо закивал головой Романов.

Меншиков с поклоном подал трубку царю. Тот, не глядя, сунул мундштук в рот, по комнате поплыли клубы вонючего табачного дыма.

– Возьми тарелку, – не вытаскивая трубку изо рта, кивнул на стол Петр.

Романов протянул руку, поднял лежавший экраном вниз планшет. Петр заблестел глазами, потянувшись, оскалился радостно. Ну чистый ребенок в предвкушении очередной игрушки. С верхнего правого края экрана вниз змеилась паутина глубоких трещин. Сердце на миг остановилось, мгновенный страх обнял тело. Уже зная, что все зря, Романов нажал на кнопку включения. Раз, другой, третий. Бесполезно. Это не батареи разряжены, дикие москвиты ухитрились разбить планшет...

– Государь, я не смогу включить планшет, его сломали, – произнес Романов, в досаде закусывая губу и показывая царю на трещину. Потеря – невосполнимая. Большую часть информации, которой он надеялся заинтересовать русского царя, хранилась в памяти планшетов. Федор Владиславович всегда отличался предусмотрительностью и взял с собой в путешествие к Петру два планшета, с одинаковой информацией, но один он намочил под дождем еще во время странствий по уральской тайге. Теперь и второй вышел из строя. Это стало настоящей катастрофой. Все, что у него осталось – это несколько книг, из них самая полезная – учебник для ПТУ «Металловедение (металлообработка)».

Дымящаяся трубка указала на планшет:

– Ну так почини его!

Романов почувствовал, как у него задрожали руки словно в приступе Паркинсона. Предчувствие беды сжало сердце. Некоторое время он боролся с охватившей растерянностью. Как? Как объяснить невежественному варвару, что отремонтировать микроэлектронику невозможно! Неужели, не поверят и снова станут пытаться? Картины, встававшие в воображении, стали четче и страшнее, и вызывали панический ужас.

– Государь, это невозможно, даже в городе смогли бы лишь заменить экран на новый. Планшеты не ремонтируют.

Петр мало что понял из объяснения пришельца, уяснил лишь одно. Тот не в состоянии починить собственную вещь. «Купчишка безрукий. Нет чтобы мастеровой добежал до меня!» Петр разочарованно выпустил уголком рта воздух, чувствуя себя обманутым. Пробивающиеся над верхней губой усы уныло обвисли. Он так надеялся получить в руки диво дивное, а вместо этого у него в руках куча сломанных предметов непонятного назначения и начавший его раздражать узник. Петр выпустил густой клуб дыма в длинное, перекошенное страхом лицо узника.

– Ну так расскажи тогда, что за пистоль чудной у тебя! – царственная рука небрежно указала на пистолет.

Романов прибодрился. Все же не зря он прослужил молодость в армии!

– Пистолет Макарова под 9 мм. патрон, скорострельность 30 выстрелов в минуту, начальная скорость пули 315 метров в секунду, прицельная дальность 50 метров, убойная дальность 350 метров, – перечислил он спокойным, размеренным голосом.

Петр искривил губы в довольной усмешке, брови поднялись. Настроение улучшилось. Ишь ты! Он мало что понял из рассказа узника, но бравый тон оценил. Ведает купчишка, выдал как по писанному. Глядишь, и сгодится для чего... Людишки, ведавшие воинский артикул, нужны в край! Петр дернул головой вбок, к плечу. Спросил нетерпеливо:

– Изрядно! Откуда ведаешь сие?

– В армии служил, офицером.

Зрачки в круглых глазах Петра расширились, он придвинулся поближе, заинтересованно спросил:

– В каком чине?

– Капитан, финансистом служил!

– Что за чин такой? Финансист? Инфантерия, артиллерия ведаю, сего чина – нет!

– Заведовал деньгами, – стараясь как можно доходчивей пояснить царю, произнес Романов.

– А, дьяк, – разочарованно протянул Петр, замолчал, пыхнул трубкой. Новые клубы дыма полетели по палате. «Для воинских дел пленник бесполезен...»

– Хорошо, потешь царя, покажи, как стрелять из пистоля твоего.

– Не могу государь, патроны кончились.

Несколько мгновений Петр пристально вглядывался в глаза узника, пытаясь понять, что за диковинка такая патроны. Затем вспомнил, отливающие металлом и искусно сделанные колпачки, кои вставляли в мушкеты из будущего розмыслы с Пушечного двора. В глазах мелькнуло понимание.

– Ну так сделай их!

Некоторое время Романов молчал, борясь с охватившей его растерянностью.

– Ваше величество, – он сделал паузу, стараясь получше подобрать слова, но так и не сумел, – не могу, для их изготовления много чего необходимо: станки, порох бездымный, состав для капсюля... – мгновенный страх липкой испариной обнял тело узника.

Петр недовольно дернул уголком рта, но продолжил опрашивать пришельца. Его интересовало: нужный человек попался, или так, дрянь никчемная.

– Sprechen Sie Deutsch?

– Нет, – покачал головой Романов.

– По-немецки не говоришь. По-латински или греческий разумеешь ли? – Петр, хмуря брови, смотрел на узника.

Тот лишь угрюмо мотнул головой, в глазах застыл страх.

– Ведаешь ли, сколько пудов пороху нужно на батарею 4-фунтовых пушек на 50 залпов?

– Не знаю, но я могу рассказать про город, о его армии...

– Это ты и так все расскажешь!

Ни к чему не годен! Петр стремительно вскочил, размахивая руками, забегал от озаренных лампадкой ликов святителей на иконах до двери. Присел на место. В расширенных глазах застыл необузданный гнев. Резко дернул шей и плечом. Романов испуганно следил за изменениями выражения лица русского самодержца.

– Дурак! Зачем ты мне такой нужен! Голову с плеч за хулу на царя! – голова как будто в конвульсии нервно дернулась, – стрелец!

Побелевший как полотно узник упал на пол, возопил истошно:

– По скудоумию и незнанию все! Я к Вашему царскому величеству отношусь со всем почтением! Помилуй! Отслужу!

Дверь открылась, зашедший стрелец глянул на распростершегося на полу узника, положил руку на рукоять сабли. С ожиданием посмотрел на царя.

– Мин Херц! – Меншиков, до этого молча наблюдавший за действием, торопливо склонился к уху государя, зашептал. Пару раз конвульсивно дернулись усики, но, видно, царь постепенно успокаивается.

– Отвезите его, – трубкой указал на узника, – в Пушечный двор, пусть розмыслы потолкуют с ним. Глядишь, какой толк будет...

\*\*\*

Прошел почти месяц. Вертолет МИ – 8 летел над бескрайней тайгой. Внизу блеснула серо-голубая лента Камы, неторопливо текущей между каменистых, заросших буйной растительностью просторов среднего Урала. К правому берегу реки зябко прижимался деревянными стенами Орел – городок, столица и резиденция рода Строгановых. Степан Викторович Чепанов с задумчивым видом смотрел на городок. «Да, дел невпроворот. Как только Соловьев находил на все время? У меня пока так не получается, но ничего, научусь». На переговоры со Строгановыми новый градоначальник решил лететь лично. Слишком то, что собирались обсуждать, важно для города. Кроме него в пассажирском отделении находился новый секретарь. Превысив, работавшая при Соловьеве, ушла. На освободившееся место Степан Викторович привлек помощника из своих, пожарных пенсионеров. Для охраны взяли половину взвода стрелков. Добрался. Тональность работы двигателя плавно изменилась, винтокрылая машина неторопливо снизилась над заросшей высокой травой поляной посреди первозданной тайги. Летчики использовали ее в качестве посадочной площадки.

Едва слышный толчок снизу. Касание земли! Прозрачный трепещущий круг над вертолетом начал замедляться. Двигатель перестал грохотать, а еще через минуту слабый шорох винта прекратился. Наступила звенящая тишина. «Ну, наконец, прилетели!» Градоначальник устало поморщился и потер выбритую до синевы щеку. Долгий полет в летающей металлической банке, оглушительный грохот и тряска утомили его. Давно уже не шестнадцать и даже не пятьдесят. Летчик прошел к выходу, в проеме показался лес, лестница коснулась пожухшей травы. Первым легко спрыгнули на землю двое стрелков, застыли внизу, настороженно разглядывая стоявших поодаль со слегка испуганными лицами представителей именитых гостей Строгановых. Следом спустился градоначальник, оглянулся, за ним спрыгнули остальные.

Позади группы вооруженных людей блеснула на солнце стеклянными окнами карета, запряженная рыжей четверней, на запятах дюжие холопы. Рядом для бойцов приготовлены две телеги. Стоявший немного впереди доверенный приказчик Прокофий Иванов задумчиво почесал в затылке, ошеломленное выражение на лице сменилось всегдашней маской простеца. «Однако, чего только не бывает на свете. Чай, не впервой, и этих непростых гостей встретим!». Важно прошел вперед. По древнему, исконному обычаю в богатой шубе и меховом колпаке. Пожевав сухими губами, поклонился:

– Здравствуй, боярин Степан Викторович, Григорий Дмитриевич Строганов ждет Вас!

Небо закрыли низкие тучи. Светлицу на втором этаже особняка Строгановых больше освещали негромко потрескивающие огоньки свечей на серебряном канделябре, чем лучи солнца. Воздух наполнен ароматом сгоревшего воска и свежего дерева. В углу, перед истощенными ликами святых, теплится лампадка. От изразцовой печи с лежанкой тянуло жаром, на улице осень, слякоть и дожди через день. На среднем Урале в конце сентября и снежок выпадать может. Одно спасение от болящих коленей старшего Строганова – тепло. Хозяин с гостем расположились за длинным столом. На этот раз глава рода решил вести переговоры с пришельцами лично, без помощников, пусть это даже самые верные, проверенные людишки. Уже полчаса собеседники плетут словесные кружева, а к сути дела так и не подошли.

Степан Викторович прокашлялся. Не по душе ему такие переговоры. Хозяев и их обычаи нужно уважать, но сколько же можно переливать из пустого в порожнее! Он что, сюда прилетел посостязаться в остроумии и узнать местную погоду?

– Григорий Дмитриевич, я человек прямой, ты уж прости, если скажу что не то. У меня предложение к тебе есть. Деловое.

Что такое деловое предложение, Строганов догадался. Глаза алчно блеснули. Что для купцов главное? Правильно, чтоб мошна была туго набита золотом-серебром! Глядишь, еще какая выгода с пришельцев появится кроме перепродажи их товаров. Григорий Дмитриевич вопросительно поглядел на главу пришельцев.

– Григорий Дмитриевич! Предлагаю создать кумпанство, то есть товарищество, – Изюмов воспользовался словом из петровской эпохи, понятным хозяину, – совместно производить парусину, льняные и шерстяные ткани. Наш вклад – станки и обучение работников. Твой – работники и здания. На станке один человек произведет в десять раз больше, чем если прясть вручную. Вначале станем делать для города, а развернем производство, завалим тканями и Русь, и Европу! Тебя интересует это предложение?

Изюмов собирался поставить для планируемых мануфактур простейшие жаккардовые машины с программируемым перфокартами рисунком. Что-то типа тех, какие придумал в начале девятнадцатого века изобретатель Жаккар Жозеф Мари. Город не мог физически: не хватит рабочих рук, чтобы наладить производство всех необходимых ему товаров. Поэтому ткацкое и швейное производство решили организовать на Руси, а самим сосредоточиться на металлургии, машиностроении и военной промышленности.

Помолчали. От печи пыхало жаром. Сухо трещали сверчки. Тишина. В руке старшего Строганова неспешно скользили бусины кипарисовых четок, привезенных из святого града Иерусалима. Взгляд обращен на крест, зрачки сузились. Он размышлял. С одной стороны, торговля с пришельцами приносила сумасшедшую прибыль, что обещали, все сделали, ни в чем не обманули. С другой, а точно ли так выгодно производство тканей? Ткачей-то добрых мало на Руси. Стоит ли овчинка выделки? Хотя... Сказывают, иноземцы – те торгуют тканью. За границей покупают за рубль, у нас продают в три цены! Он покачал головой. Его терзали сомнения. Строганов окинул городского главу скептическим взглядом, заставив того слегка напрячься, хмыкнул, а потом торжественно произнес:

– А точно ли так выгодно это ваше кумпанство с ткацким производством?

– А ты, Григорий Дмитриевич, собственными глазами посмотри!

Изюмов покачал головой и поднял лежащий на полу невеликий ларец. Вытащил оттуда ноутбук. Загорелся экран. Строганов воспринял это спокойно, видел он уже такое чудо. На экране диво дивное! Ткач ткал с невиданной скоростью полотно, да еще работал сразу на двух станках. Через пару минут фильм закончился. Строганов еще несколько мгновений смотрела на картинку погасшего экрана, потом повернулся к попаданцу. Да это дело выгодное, даже не так: **ВЫГОДНОЕ!** Прибыль ткачество обещало бешенную! Что получится с захватом города, бог весть, а это деньги сами в руки текут! Губы купца раздвинулись в холодной улыбке.

– Как доли делить станем в кумпанстве, Степан Викторович?

Изюмов несколько мгновений молча смотрел в лицо именитого гостя, потом искривил губы в понимающей усмешке:

– По-честному будем, по-честному, Григорий Дмитриевич, пятьдесят долей Вам, пятьдесят городу. По рукам?

Они еще немного пообсуждали проект. В целом, купец благосклонно выслушал условия сотрудничества с попаданцами. По поводу абсолютной секретности производства возражений не было. Конкуренты никому не нужны! Не дай бог кто другой скопирует станки. Второе условие: десятичасовой рабочий день, еженедельные дни для отдыха, оплата дней болезни работников заставили купца поморщиться и недоуменно посмотреть на гостя. Зачем это? На Руси, да и нигде в мире такого не было. Только после утверждения, что без этого договор не состоится, купец нехотя согласился. Повышение уровня социальной защиты наемных рабочих было принципиальным для попаданцев. Создавать второе издание Российской империи с нищим и готовым к забастовкам и восстаниям пролетариатом они не намеревались.

Больше Строганов не сомневался. Рукопожатие, подтверждающее договор, было твердым. В конце порешили, что подробности сделки обсудят помощники, и что первые станки с учителями придут в Орел-городок уже в конце следующего месяца. Разворачивать ткацкие фабрики решили в вотчине Строгановых и вблизи источников сырья, льна и шерсти: на территории попаданцев, вблизи Казани.

Помолчали, затем градоначальник поднял глаза на именитого гостя:

– Нам известны места, где в пермской земле есть много меди: на Рудной горе, на берегу реки Усть-Тунтор, иных местах. От нас оборудование, от Вас люди. Делим прибыли так же, устраивает?

От неожиданности Строганов икнул, глаза загорелись алчностью. Принято считать, что промышленная добыча меди в Пермском крае началась в 1635 году, когда был основан первый в России Пыскорский медеплавильный завод, основоположник цветной металлургии Руси. Несмотря на это, меди в стране производилось мало, ее не хватало и стояла она очень дорого. Очень дорого! Предложение просто царское! Не раздумывая, купец согласился. На такое выгодное дело он казну порастрясет! Крупные месторождения меди на Южном Урале: Томинское и в верховьях притоков р. Кидыш градоначальник решил разрабатывать силами города, тем более, что последнее полиметаллическое, есть и цинк, и марганец (и, разумеется, сера).

– Есть еще у меня дело к тебе, Григорий Дмитриевич. Настала пора направить наших послов в Москву к царям российским, помощи получить опасную грамоту!

*Выезжающим за рубеж послам выправлялись специальные документы, подтверждающие их дипломатическую миссию, «опасные грамоты».*

\*\*\*

После долгих обсуждений на временном военном совете решили отправить посольство в Москву. Устанавливать отношения с русским царством все равно придется, так почему бы не сейчас, когда город сумел решить первоочередные проблемы, и стало понятно, что он выживет? Нельзя упускать шанс привязать к себе царскую Россию экономически, в военном и культурном отношении. Да и помочь Руси – святое дело. В стране остро не хватает самого элементарного – стали, меди, пороха и много другого. Так что проще всего заинтересовать Петра созданием соответствующих заводов и мануфактур, шахт и карьеров. Он хотя и весьма нетерпелив по характеру, но учиться новому любит. Городу нужны нефть, металлы и многое другое в больших объемах. Самим в рудокопов и нефтяников переквалифицироваться можно, но горожан на все не хватит, так пусть все это добывают местные русские и продают городу за его продукцию! Пока будут строиться новые производства, царь Всея Руси будет очень занят. Да и от низкопоклончивости перед Западом его еще вполне можно отучить. Пусть образцом для подражания станет город! Петр первый для отвоевания выходов к морям через десяток лет станет воевать с турками и шведами. Морские порты пригодятся и городу, чтобы экономически задушить производство на Западе! Завалить рынки собственной, невиданно качественной и дешевой продукцией. Чудесными товарами, каких и в помине нет на Западе. В Европе нет такого, что не смогут произвести в городе. Дворянам нужны предметы роскоши: изысканная одежда, дорогая мебель? Ну куда там наивным западным купцам до прожженных коммивояжеров и торговцев города с опытом циничного двадцать первого века! Город установит собственную моду. Дворяне будут драться за возможность купить стильные диваны и стенки, модные джинсы и куртки производства попаданцев! Но это планы на будущее. А пока, пусть Петр I воюет, мы поможем. Снабдим армию Петра всем необходимым, заодно отвлечем внимание от города. Поставить русской армии казенозарядное оружие, стальные орудия, а патроны производить только в городе. Этим определяем решающее превосходство над западными армиями, в то же время гарантируем безопасность города. Без патронов много не навоюешь, а они изготавливаются только в городе. Или даже мушкеты или фузеи, определится можно позднее.

Жизнь в городе попаданцев продолжала меняться. Многого, от курева до продуктов питания, еще не хватало, но несколько кафешек после Переноса выжили и продолжали работать. Лучшим по кухне, по мнению Александра, стал Шашлычный дворик – небольшая кафешка, расположенная всего в ста метрах от холма с поклонным крестом на северном выезде из города.

В обед позвонила Оля. Посетовав, что в холодильнике хоть шаром покати, предложила поужинать в кафе. Встретиться решили в восемь вечера в кафе. Выйдя за КПП, Александр застегнул бушлат. Холодно, небо затянули низкие осенние тучи. Днем прошелестел зябкий дождь. Молодой офицер не стал ждать вечно переполненной маршрутки, от части до кафе всего десять минут пешком. Проще дойти. Старательно обходя по мокрому асфальту мутные лужи, двинулся в путь. Окончательно стемнело. Уличное освещение еще не включили, темно, сориентироваться возможно лишь по огням многоэтажек.

Без десяти восемь он толкнул дверь и спустился в зал. Огляделся вокруг, жена еще не пришла. Тепло. Вкусно пахнуло жареным мясом и немного дымом. В белоснежном кафеле пола отражаются лампы дневного света. Негромко играет что-то из шансона. В зале пустынно. Лишь за дальним столом с аппетитом поглощают шашлык двое, в возрасте немногим за тридцать с характерными горбатыми носами. На столе перед ними стоит полупустой графин с прозрачной, как слеза, самогонкой. Бросив равнодушный взгляд на Александра, отвернулись. Один, помоложе, экспрессивно взмахнул рукой.

– Уважаемый! – воскликнул он с легким кавказским акцентом, обращаясь к собутыльнику – это все мелочи! Давай, за тебя!

Кавказцы подняли стопки, тонко звякнуло чешское стекло, самогон полился в луженые глотки.

В глубине зала бармен с меланхоличным видом протирает тряпкой и так чистую стойку. Еще слишком рано, основной наплыв посетителей к девяти вечера. При виде военного бармен оживился. Любезно поздоровавшись, поинтересовался: чего желаете, уважаемый? Александр заказал две порции шашлыка с лавашем (карточки на хлеб отменили на днях), овощной салат и графин ягодного морса. Тяжело опустился за дальний столик у окна, устал, день выдался нелегкий. Александр не успел заскучать, когда у стола появился бармен с тарелками с шашлыком, закусками и прозрачным кувшином ягодного морса. Переставив все на стол и пожелав приятного аппетита, вновь удалился за стойку. Пахнуло от тарелок одуряюще вкусно. Александр сглотнул слюну, обедал в час, проголодался, но так и не притронулся к заказу. В кафе раздавались лишь все более громкие и нетрезвые голоса выходцев с Кавказа.

Восемь десять, двадцать. За это время зашло несколько посетителей, лишь Оля все не появлялась. Александр сморщился от досады, пальцы машинально пробарабанили по столешнице. «Ну сколько можно ждать! Договаривались на двадцать часов!» Александр беспокойно заерзал в кресле. Старший из кавказцев искоса и недовольно глянул на военного, но смолчал и отвернулся. Пронзительно скрипнула дверь, в проеме появилась Оля. Девушка сияла. Для похода в кафе она посетила парикмахера, надела единственный и любимый плащ. Совсем незадолго до Переноса она купила его в областном центре. С наполнением магазинов платьями, кофточками и прочей необходимой женщинам одеждой город пока справлялся. Вот только разнообразия как раньше уже не было. Швейная фабрика, принявшая дополнительных работниц и множество частниц, трудилась круглосуточно, но было ясно, что, когда сносится одежда из двадцать первого века, на производство качественной и недорогой одежды рабочих рук не хватит.

Девушка огляделась, найдя мужа мило улыбнулась и торопливо сбежала по ступенькам вниз. Хмурый Александр поднялся с места. Торопливо клюнув нежными губами в щеку, девушка присела на отодвинутый мужем стул.

– Привет, милый, – произнесла девушка ласковым до приторности голосом. Александр сидел с сурово сдвинутыми бровями.

– Ну не дуйся! – протянув руку, Оля шутливо ткнула острым кулачком мужа в плечо, заставив его слегка улыбнуться.

– Ну что так долго? – невольно смягчаясь, но все еще недовольным голосом поинтересовался Александр.

– Ну не дуйся! Немного опоздать для женщины – это нормально – Оля присела за стол, положила на край сумочку. Поправила прическу, бросила внимательный и лукавый взгляд на мужа. Сидит с надутыми губами. Недоволен опозданием? Девушка ослепительно улыбнулась, и погладила мужа по руке:

– Лучше угадай! Что изменилось во мне?

Александр закусил губу, бросил взгляд на сидевшую с противоположной стороны заставленного блюдами стола супругу. Как всегда, великолепна. Несколько секунд он молчал, пытаясь сообразить, что же изменилось в облике жены? Оля недовольно сдвинула тонкие брови, наконец, глаза Александра широко раскрылись:

– Ты сделала новую прическу?

– Ну наконец-то! – девушка просияла и вновь слегка стукнула сухеньким кулачком мужа по груди.

– Э! – послышалось громкий голос с кавказским акцентом, – да это же Соловьевская сучка!

Александр повернулся, оба кавказца нехорошо и пристально разглядывали его жену. Оскорбил Олю младший. Офицер побледнел от ярости, скрежетнул зубами. Сверлящий взгляд уперся в лица кавказцев. Пьяным море по колено, забыли, как с криминалом поступили после Переноса? Военный опыт, приобретенный за последние месяцы, научил парня никому не спускать обид. Не важно, что Оля родственница прежнего мэра, главное, что сейчас она его жена. Оскорбительные слова в ее адрес он готов вбить назад в глотку вместе с зубами.

– Рот закрой! – вставая с места, громко, на весь зал, угрожающе рявкнул Александр, навис телом над столом, лицо налилось кровью, – Ты, наверное, слишком пьян и не считаешь, что несешь! Это моя жена.

– Ты кому рот закрой сказал? Э! – с резким горганным акцентом произнес младший из кавказцев.

– Может, не надо? – пискнула Оля, но на ее слова никто не обратил внимания.

– Тебе! Что ты так на меня смотришь? Гипнотизируешь? Извинись перед моей женой!

Мужчины переглянулись. Александр понял, что соседи слишком много приняли на грудь, никакими уговорами не остановишь. Оба кавказца люди горячие, сначала вступают в потасовку, а затем думают о последствиях. Резко поднявшись, направились к столику Александра. *Зал затих* в ожидании: предстояло увидеть такое, что ни в каких фильмах не покажут.

Будет драка – понял парень. Рот пересох, сердце бешено заколотилось о ребра. Александр быстрым цепким взглядом окинул кавказцев. Двигутся легко и нагло, как хозяева жизни, словно на дворе бандитские девяностые. Но зря они так... Парня обожгла и закалила война, склоняться перед кем-либо он не намерен. Насколько Александр уважал погибшего побратима Магомедова, настолько ненавидел ЭТИХ...

– Вы что делаете! Вызывайте милицию! – взвизгнула посетительница, сидевшая поблизости за столиком с мужчиной возрастом за пятьдесят.

– Рот закрой, кишки простудишь – небрежно бросил без всякого акцента женщине младший из кавказцев. Во рту блеснула золотая фикса, судя по поведению, среди кавказцев он главный.

Он первым надвигался. Александр встретил его прямым в голову. Противник снес соседний стол, рухнул на кафель пола. Второй, видимо, не знал приемов рукопашного боя, он схватил Александра руками за шею.

«Ах ты дурашка, приемы по освобождению от захвата изучают еще в военных институтах!»

Крутанув руками, сцепленными в «замок», офицер сорвал захват. И тут же изо всех сил пнул кавказца в живот, того снесло, словно лягнул разъяренный жеребец! Получай! Влетев в стену, кавказец сполз вниз, скорчился на грязном полу в позе эмбриона.

Напавший первым очухался, провел рукой по лицу. Алое на пальцах. Кровь на белом кафеле. Выругался не по-русски, в руке хищно блеснула сталь ножа, яростно ощерился. Ловко, словно профессиональный спортсмен, кавказец вскочил на ноги. Давать себя прирезать или избить, как тогда, несколько месяцев тому назад, офицер не намеревался. Что угодно, только не это! Лошадиные дозы гормонов гуляют по жилам. В городе постановлением собрания депутатов разрешили дуэли, но тут не тот случай. Он просто и незатейливо пристрелит идиотов. Рука скользнула в карман, одновременно снимая предохранитель, сухо щелкнул затвор.

«Бабах», – оглушительно грянул в помещении выстрел пистолета ПМ, резко запахло порохом. Кавказец упал, двумя руками схватившись за ногу, кровавое пятно расплылось на штанине, чуть ниже колена. Второй уже очухался, но предпочел не вставать.

– Ааа! – Заорала женщина за столом рядом. – Убили!

Александр с пистолетом в руках навис над оскорбившим его жену человеком, глаза метали молнии из-под насупленных густых бровей.

– Не убивай, брат! Не убивай! – В смертной тоске заскулил младший кавказец. Когда преимущество не на его стороне, он оказался не так и крут...

– Извинись! – рявкнул офицер.

– Прости меня, мамой клянусь, больше не буду! – плачущим голосом произнес раненый. – Я истекаю кровью! Перевяжи!

Александр облегченно выдохнул воздух сквозь стиснутые зубы, выпрямился, щелкнул предохранитель, пистолет исчез в кармане. Теперь что-то надо делать с раненым и непострадавшим кавказцем.

– Оля! – Обратился Александр к жене. – Перевяжи этого, – он ткнул пальцем в сторону раненого.

Девушка вздрогнула, ошалелым взглядом посмотрела на мужа и лишь потом пришла в себя. Она училась в сельхозакадемии и умела накладывать бинты. Пока Оля оказывала помощь раненому, Александр вызвал полицию. Прибывшие через несколько минут патрульные выслушали объяснения офицера, посетителей кафе и забрали с собой непострадавшего кавказца, второго санитары положили в карету скорой помощи. Вечер безнадежно испорчен, но не пропадать же добру. Шашлык и закуску молодожены забрали домой. Против напавших на офицера возбудили уголовные дела. Через пару недель непострадавший отправился на несколько лет на исправительные работы на городскую свалку, после выписки из больницы за ним последовал второй.

\*\*\*

Степан Викторович Чепанов не любил кабинет градоначальника. Слишком помпезная мебель, слишком казенная атмосфера. Слишком противоречивые воспоминания с ним связаны. Здесь его когда-то награждали и ругали, бывало всякое. К тому же в нем буквально все хранило отпечаток личности прежнего мэра, а ныне подследственного – Соловьева. Однако проводить ремонт в трудные для города дни Чепанов посчитал неэтичным и невозможным. Поэтому приходилось мириться с обстановкой в кабинете. Он ограничился тем, что повесил в углу небольшую икону из дома, да со стола смотрела цветная фотография молодой женщины – дочери.

Захлопнулась дверь за последним посетителем. Чепанов остался один в огромном и гулком кабинете. Только что закончилось совещание с руководителями коммунальщиков. В отличие от прежнего мэра с ними он встречался нечасто, за полтора месяца пребывания у власти дел хватало и с другими отраслями сложного городского хозяйства. Зима на носу, обсуждали подготовку к отопительному сезону. В основном доклады мэра порадовали. Запланированные работы выполнены на девяносто пять процентов. Ремонт проблемных участков трасс заканчивали. При этом удалось заменить дефицитные стальные трубы пластиковыми, производимыми из переработанных пластиковых бутылок и керамическими. Массовое производство

последних освоили на кирпичном заводе. Общедомовые бойлеры и два котла электростанции подготовили к работе в отопительный период. Лишь директор теплосетей пытался ныть о неплатежах, и что это не дает качественно подготовиться к сезону. Но не того напал. Чепанов уговаривать не собирался, не таких обламывал! Резким тоном он объяснил непонимающему директору, что или тот обеспечивает безаварийное прохождение отопительного сезона, или идет под суд, как саботажник. Мэр на секунду задумался, не стоит ли заранее поменять в теплосетях руководителя, затем решил: рано, надо присмотреться к человеку.

Его беспокоила другая проблема. По утверждению директора электростанции, ресурсов котлов хватит на три-пять лет. Ремонтировать их в соответствии с технологическим регламентом он не в состоянии, слишком много специфических материалов и запчастей не хватает и в обозримом будущем не появится. Чепанов устало потянулся в доставшемся по наследству кресле, затем досадливо поморщился. Голова наклонилась над заваленным бумагами и папками столом, где ориентироваться мог только он. Найдя ежедневник, пролистал до страницы с названием «Стратегические задачи», начал энергично писать. «Поручить заму по ЖКХ до конца года разработать схему и программу электро и теплоснабжения от котельных, работающих на угле. В следующем году начать их строительство».

Пронзительно звякнул внутренний телефон. Чепанов слегка поджал губы и бросил недовольный взгляд на высветившийся номер. Звонил секретарь, сразу поднимать трубку мэр не стал. Дописав, отложил ручку в сторону и лишь тогда снял трубу.

– Да, – немного раздраженным голосом произнес градоначальник.

– Степан Викторович, к Вам начальник службы безопасности, Вы просили его вызвать к восемнадцати часам.

– Зови! – коротко бросил в трубку Чепанов и положил ее на место, ежедневник вернулся на стол. За длинный, полный проблем день он совсем забыл, что на вечер приглашал начальника службы безопасности, так переименовали городской отдел ФСБ.

Постучали, в отворившейся двери показался неприметный человек. Его можно принять за бухгалтера из конторы «Рога и копыта». Неприметный и средний во всем, обычный черный пиджак, средний возраст, невыразительная внешность, на носу очки. Единственное яркое пятно – под мышкой зажата красной кожи папка. Первое впечатление обманчиво. Вошедший – один из самых влиятельных людей в городе, серый кардинал недавно случившегося переворота. Плотнo прикрыв за собой дверь, мужчина повернулся к главе города:

– Добрый день, Степан Викторович, звал?

– Да, рад видеть тебя.

Безопасник подошел к стоявшему в глубине кабинета массивному столу. Глава поднялся с места, мужчины обменялись крепкими рукопожатиями.

– Присаживайся, Константин Васильевич, – указал на стол-приставку Чепанов.

Безопасник аккуратно присел, поднял вопросительный взгляд на градоначальника. Жизнь и служба в ФСБ научили его пользоваться правилом американских ковбоев: умеешь считать до десяти, считай до семи! Скрывай собственный потенциал и возможности от окружающих. Всегда полезно иметь «козыря в рукаве», который можно смело бросить на стол в кульминационный момент игры по имени жизнь.

Глава не стал разводить долгих прелюдий, не в его характере такое поведение.

– Ты в курсе подготовки переговоров с московскими царями? – полуутвердительно спросил Чепанов.

Его собеседник ограничился легким кивком, продолжая вопросительно смотреть на градоначальника. В личных беседах они общались на равных.

– Осталось подобрать начальника охраны посольства. Из твоего ведомства не прошу, знаю, что у тебя затык с кадрами. Предлагай кандидатуру, кто сможет разведку организовать

и контрразведку, и охрану. Должность сделаем майорской, заодно и статус дадим младшего посла. Нужна кандидатура. Что скажешь?

Чепанов устало откинулся в кресле и бросил испытующий взгляд на собеседника, но на лице того прочитать следы эмоций невозможно. Безопасник неторопливо снял очки, вытащил из кармана белоснежный платок и тщательно протер стекла. Он и так выделяет в состав посольства человека из собственного невеликого штата. Правда негласно, но какая разница? Люди не резиновые, а задач с каждым днем наваливается все больше и больше! А что, если... Предложить того мальчишку, который арестовывал мэра? Заодно и убрать с глаз долой. Слишком он импульсивен. Чем больше он обдумывал мысль, тем больше она нравилась подполковнику. Надев назад очки, он тяжело вздохнул про себя и поднял глаза:

– У меня есть кандидатура, старший лейтенант Петелин Александр.

Мэр недоуменно вскинул брови и окинул безопасника скептическим взглядом, тот молча смотрел в лицо главы города профессионально непроницаемым взглядом. Затем хмыкнул и произнес недовольным голосом:

– Что за странные идеи? Драчуна, что вчера устроил драку в Шашлычном дворе и подстрелил кавказца? Не пойдет. Он слишком безбашенный...

– Нападение с ножом на военного, пусть радуются, что вообще не пристрелил! Он поступил правильно. А что касается Петелина – парень проверенный и верный! Ты не забыл, кто арестовывал Соловьева?

Мэр поморщился:

– Да все я помню, в том числе, что он чуть не пристрелил его!

– Но ведь не пристрелил, несмотря на личные счеты! Значит, достаточно дисциплинирован. Старший лейтенант, молодой еще, амбициозный и смелый. Преданность городу доказал. Петр первый еще тот чертушка, но ему всего семнадцать, перевоспитать можно! Петелин ему почти ровесник, с опытом войны, бесстрашный. Самое то, чтобы стать другом и авторитетом. Ему будет легко найти общий язык с молодым царем.

Под таким углом кандидатуру Петелина градоначальник еще не рассматривал. На лице Чепанова мелькнула тень растерянности, хотя, вполне вероятно, это было всего лишь отражением ожиданий безопасника. Хмыкнув, Чепанов задумчиво почесал до синевы выбритый подбородок, потом поднялся и неторопливо прошелся по кабинету. Остановился у окна. Безопасник повернулся вслед за мэром. На улице темно, хотя до захода солнца еще далеко, небо скрыто тучами. По окну, мокрому асфальту, лужам, лениво барабанят *капли* холодного осеннего *дождя*. Площадь перед зданием администрации пустынна. «Зима по прогнозу метеорологов будет ранней и холодной, угодило нас попасть в малый ледниковый период... А ведь Константин Васильевич, пожалуй, прав. Парень верный, не трус и организатор неплохой. А горячий... Это пройдет, зато в обиду себя перед царским двором не даст! Да и наградой это ему станет: сразу майорская должность, минуя капитанскую. Верных и талантливых надо поддерживать. Будет благодарен, станет опорой.» Чепанов вернулся на место. Оставалось лишь одно сомнение. Пауза слишком затягивалась, и безопасник явно не собирался прерывать ее первым.

– В твоих словах есть резон, – произнес Чепанов, – а то, что он женат на племяннице Соловьева, не сделает ли его рано или поздно врагом? Ночная кукушка всегда дневную перекукует?

Безопасник раздвинул губы в холодной усмешке. О «теплых» взаимоотношениях Соловьева и его племянницы он обладал достаточной агентурной информацией, чтобы не бояться этого.

– Там такие родственные взаимоотношения, что этого можно не опасаться. До Переноса племянница ему была не нужна, а после запретил ей выходить замуж за Петелина, женщина этого не простит.

Градоначальник задумчиво постучал кончиками пальцев по столешнице, наконец, принял решение:

– Сегодня позвоню Изюмову, скажу, пусть предложит парню должность. Согласится, пусть едет! Только ты понатаскай его по вашим вопросам.

Безопасник молча кивнул и поинтересовался:

– Сводку по отделу смотреть будешь?

Чепанов невесело хохотнул, произнес:

– Да куда я денусь, без вас, как без глаз, не знаешь ни что происходит в городе, ни что делается в окрестностях. Давай.

Безопасник молча протянул красную папку.

\*\*\*

На следующий день Александр вернулся после службы домой немного пораньше. На звук открывавшейся двери из кухни торопливо выскочила Оля. При виде мужа лицо осветилось лукавой улыбкой, словно у напроказившего ребенка. На ходу вытерев мокрые руки о цветастый фартук, подошла. Прижавшись к холодному бушлату, торопливо поцеловала в губы. Тут же отстранилась, не давая шансов рукам мужа. В лице супруга читалось сомнение и нерешительность. Необычно для него. Девушка бросила на мужа внимательный взгляд, но не стала спрашивать. Надо, сам расскажет, или по крайней мере спрашивать не у порога, лишь произнесла:

– Сейчас есть будешь или подождешь?

Александр жадно принялся, из кухни шел заманчивый запах мяса и чего-то еще, почти полузабытого.

– Ага! Буду сейчас! – кивнул Александр и жадно сглотнул слюну, – А что ты приготовила?

Оля выразительно поиграла тщательно выщипанными бровями:

– Сюрприз, сам увидишь, – на ходу, скрываясь за дверями кухни, бросила девушка, – иди, переодевайся!

Александр надел домашнюю футболку и спортивные штаны, зашел на кухню. За окном непроглядная темнота, лишь слабо мерцают огоньки окон вдалеке. Под потолком кухни висит лампочка, изготовленная на основе знаменитой лампочки Лодыгина, но с некоторыми усовершенствованиями. Их начали производить на электротехническом заводе. Оля сидела на любимом месте, у окна, и с задумчивым видом пила из кружки Иван-чай. При виде мужа повернулась, на лице вновь нарисовалась шкодливая улыбка. Посредине кухонного стола дымится и издает умопомрачительный запах полная макарон по-флотски чугунная сковородка. Рядом – блюдечко натурального меда, его продавали без ограничений в магазинах и на рынке. С начала сентября, после сбора урожая свеклы, нормы отоваривания сахаром в два раза увеличились, но Оля успела пристраститься к меду. Окрестные племена промышляли бортничеством и полностью закрывали потребности города.

– Ничего себе! Откуда такая благодать? – громко удивился Александр и внимательно посмотрел на довольную произведенным впечатлением жену. Мучные изделия после Переноса были в дефиците. Давали их только в составе пайка, но совсем немного, так что Александр успел почти забыть вкус макарон. Теперь он понял, чем так аппетитно пахло в квартире. Мужчина поднял пораженный взгляд на Олю:

– Ну ты у меня Марья-искусница, откуда такая вкуснятина?!

– Да, я такая, и вся тела у меня такая! – сказала довольная похвалой и произведенным эффектом девушка и гордо тряхнула короткой русой гривой. Затем все-таки смилостивилась и объяснила, что с сегодняшнего дня макаронные изделия пустили в свободную продажу, благо зерно нового урожая почти собрали, а на комбинате хлебопродуктов наладили производство макарон, вермишели, разнообразных чешуек и рожков. Утром она выстояла дикую очередь в

магазине, но урвала пару килограмм. В одни руки пока больше не давали, но обещали в скором будущем изобилие хлебобулочных изделий: от макарон до тортов.

Только после того, как голодный супруг съел почти половину сковородки и удовлетворенно откинулся на стуле, девушка поняла – время расспрашивать.

– Ты мне ничего не хочешь рассказать? – самым невинным тоном спросила Оля и посмотрела мужу в глаза. На миг взгляд Александра вильнул в сторону, затем он вновь посмотрел в глаза супруге.

– Да, хочу. Понимаешь... – он на миг остановился, как бы давая понять, что то, что он должен сказать, не очень-то ему нравится, потом решительно закончил:

– Сегодня меня вызвал комбат. Предложил майорскую должность начальника охраны посольства в Москву. Я сказал, что вначале поговорю с тобой. После обустройства посольства я смогу тебя к себе забрать.

На всех вышестоящих должностях прочно засели капитаны, майоры и даже подполковники, так что повышения можно ожидать очень долго. Майорская должность была пределом мечтаний Александра. Парень замолчал, испытываясь глядя на жену. Все-таки расставаться с городом, да и быть некоторое время, пока не обустроится посольство, в разлуке. Волнения Петелина оказались напрасными. Оля не даром слыла девушкой умной и практичной. Она любила мужа и мечтала стать со временем женой полковника или даже генерала. Александр у нее умный и талантливый! Он обязательно поднимется по карьерной лестнице... Если только не помешает ее родство с бывшим градоначальником. Этого она опасалась. А тут такое предложение. Девушка радостно завизжала, глаза восхищенно сверкнули. Кинувшись к мужу на колени, прильнула к его губам. Слава богу, не против, подумал Александр и облегченно расслабился.

Начиная со следующего дня Александр с утра шел в здание службы безопасности. С утра начиналась учеба: лекции по основам охраны, агентурного дела, учителей – историков о быте и нравах Московской Руси и другим предметам. Практические занятия, их вели опытные опера из безопасности и полиции, перемежались с занятиями по тактике. От методов агентурной работы до правил установки «жучков». Солидный запас их хранился у бывших фсбшников. Голова «пухла» от знаний, но юный офицер терпел и учился. Понимал, что эти навыки жизненно необходимы. Вечерами он едва доползал до дома. Так прошло почти полтора месяца. Календарная осень еще не окончилась, но на Южном Урале уже царил настоящая зима. Температура даже днем за минус десять и снег почти по колено. Малый ледниковый период, ничего не поделаешь. В конце ноября из Москвы в Орел-городок пришла долгожданная опасная грамота. Посольство в столицу Русского царства возглавил бывший начальник промышленного управления Рожковский Петр Семенович. Специалист он хороший, но использовать близкого к Соловьеву человека на ключевых должностях новый градоначальник не стал, хотя в верности Рожковского городу не сомневался. Александр получил в подчинение полтора десятка солдат, вооруженных в основном оружием, произведенным уже после Переноса: карабинами СКС, револьверами, гранатами и двумя автоматами из двадцать первого века. Автоматы слишком прожорливы и избыточны по скорострельности для неспешного семнадцатого века. Тем более что ресурс автоматического оружия не бесконечен, а решение о перевооружении армии уже претворялось в жизнь. Вооруженные силы города с осени начали перевооружать на производимые в городе под единый патрон берданки и револьверы, разработанные на основе нагана обр. 1895 г. Основой ударной мощи армии по плану станет артиллерия, вместе с БТР и бронированными Уралами, вооруженными огнеметами и минометами. Авиации – гидросамолеты с двумя двигателями, способные летать долго и надежно, не нуждающиеся во взлетной полосе, но способные нести немалую бомбовую нагрузку.

Еще через два дня, 24 ноября 1689 г., караван из двух десятков крытых саней выстроился на границе попаданческой территории. Вокруг унылая, белоснежная, слегка холмистая

пустыня. Облегченные сани для путешествия изготовили из дерева и ДСП. Плиты из древесных опилок начали выпускать из отходов мебельной фабрики, лесопилок и костного клея, производимого на мясокомбинате. Впереди для обзора установили большое автомобильное стекло, по бокам и сзади – маленькие. Над кузовами дымятся печные трубы, обещающая тепло пассажирам. Посольству предстоял долгий, трудный и опасный путь сначала на юг, в казахские степи, затем на север, до Казани, и дальше до Москвы. В дальний путь для связи взяли радиостанцию Р-140, способную при телеграфном режиме работы обеспечить дальность связи до 2000 км и агрегат бензоэлектрический АБ-2-Т/230-МЗ, переделанный под питание от газогенератора. Александр в последний раз обнял заплаканную жену, открыл дверь и нырнул в теплое нутро саней. Тяжело нагруженные припасами на два месяца пути сани двинулись в дальний тысячекилометровый путь из Мастерграда в Москву. Так решением собрания депутатов переименовали город попаданцев.

### Глава 3

Темнело. На перекрестке высилась убогая деревянная церквушка, внутри десятерым не повернуться. Дьяк торопливо прошел мимо полураспахнутых дверей. Из темных глубин доносятся сладко поющие женские голоса, мерцают рубиновые огоньки свечей. У бревенчатой стены, прислонившись, дремлют обмотанные в тряпье христарадничающие старухи. Юродивый, косматый, страшный увидел дьяка. Запрыгал, зазвенел веригами. Подбежал, возопил:

– Христа ради помоги, боярин!

Протянул черную, вонючую от застарелой грязи пятерню без одного пальца. Дьяк молча, не слушая бранные слова вслед, обошел. Проскочил по ветхому мостику заросший, давно потерявший оборонительное значение ров с обвалившимися краями, мимо промелькнули ворота Земляного вала. От мутной воды тянуло тиной и гнильцой, зябкий осенний ветер шевелил камышом на дне рва. Запахнув поглубже латанный зипун, дьяк в тревожном предчувствии покрутил головой. Всю дорогу от дома он мучился: не зря ли он направился к своему благодетелю? «Узнает, не дай бог, батюшка боярин Стрешнев Тихон Никитич – глава Разбойного приказа, все бока обдерет кнутом, да и выкинет бедовать на улицу». Дьяку ли не ведать, что может сделать с человеком искусный палач. На секунду показалось, что услышал стоны избитого человека. Дьяк зябко поежился и обогнул очередную кучу мусора, лежащего на пути: зола, падаль, сношенная одежда – все, что жители выкидывали на улицу. «Изба давно обветшала, того, гляди, рухнет, а проклятая баба совсем запилила, построй новую да построй! А откуда деньги на сие взять? Вот тоже! Хочешь – не хочешь, а пойдешь на поклон к верхним боярам. А там так просто и копейку не дадут. Ничаво! За известие о странном воре, коего забрал сам князь Федор Юрьевич Ромодановский, небось, пожалуют деньгой немалой!»

Дорога закружила по узким, изрядно унавоженным улицам, мимо проплывали дощатые заборы. За ними высокие и узкие, в два жилья, справные бревенчатые избы. Слободы за Земляным валом жили зажиточно. Часть из них обслуживала непосредственно царский двор. Народа на улице море. Лезут вперед, ругаются, толкаются. Купцы выскакивают из дощатых лавчонок. Зазывают к себе, ловят за полы одежды зазевавшихся. Иные, совсем отчаянные, срывают с прохожих шапки, лишь бы зашли, приценились к товарам.

*Слобода (Слободжа) – вид поселения или района города в истории России, Украины и Белоруссии.*

Дальше пошли богатые кварталы. За заборами выглядывают каменные, дома в два, а то и три жилья, пестрые, красные, серебряные, церковные маковки. Церквей много, по всей Москве-тысячи!

Остановился дьяк у высокого, видна лишь алая крыша здания в глубине обширного участка, забора усадьбы Голицыных. Постоял немного. Решился. Негромко постучал. Открывший калитку холоп лишь посмотрел на поношенную одежду дьяка и зыркнул недобро:

– Что надо?

– Скажи князю Борису Алексеевичу, что Ивашка Семенов челом бьет, принять с известием важным просит.

Холоп задрал русые брови, с сомнением оглядел дьяка, но все же спросил:

– А какое тебе дело до Бориса Алексеевича?

– То я самому князю Борису Алексеевичу скажу!

– Ну-ну, – холоп еще раз со скепсисом оглядел дьяка, но все же пообещал, – Скажу, а ты подожди здесь.

Дверь со скрипом захлопнулась.

Пришлось ждать: где дьяк, а где один из русских аристократов – бояр. Род князей Голицыных из знатнейших и богатейших в России. Происхождение они вели от литовского великого князя Гедимина. Его внук – князь звенигородский Патрикей, прибыв в Москву в 1408 году, поступил на службу к великому князю Василию Дмитриевичу. Сын перебежчика – князь Юрий Патрикеевич женился на дочери великого князя Василия Дмитриевича, в браке родилось двое сыновей. От одного из потомков – князя Андрея Андреевича – пошли четыре ветви рода, три из них существуют и в двадцать первом веке. Князья Голицыны занимали видное место в истории России. Из рода вышло 22 боярина и 3 окольничих, фельдмаршалы и другие знатнейшие чины. Голицыны входили в число 16 родов, представителей которых в семнадцатом веке возводили в боярский чин прямо из стольников, минуя чин окольничего. Князь Борис Алексеевич принадлежал к третьей ветви рода князей Голицыных, основателем которой стал его отец. Во время фактической ссылки царственного ребенка, будущего Петра первого в Преображенском, он не оставил воспитанника и после свержения Софьи был в чести у царя. Слыл Борис Алексеевич человеком умным, но легкомысленным, больше любившим забавы, чем упорный труд.

Ждать пришлось долго, так что дьяк успел порядком замерзнуть, наконец, калитка распахнулась. Холоп появился вновь, лицо недовольное, качнул головой:

– Пошли.

Иван осторожно зашел в палату, остановился у двери, руки нервно теребят шапку. Красиво, богато. Стены обиты дорогим синим бархатом. По углам висят массивные, искусно изукрашенные сундуки и ларцы, покрытые шелком и бархатом. Продай такое покрывало, глядишь, и наберется денег для постройки избы. На подоконниках сверкают жемчугом наконники. Напротив окна – громада напольных часов, медленно вращается расписанный диковинными цветами циферблат. Рядом стол. На серебряном подсвечнике пляшут огоньки свечей. Пахнет сторевшим воском и чем-то церковным. Заробев, дьяк истоиво обмахнул себя крестом на висевшие в красном углу иконы в позолоченной оправе.

– А, Ивашка, – произнес появившийся в дверях князь, оглядел дьяка свысока. Одет Борис Алексеевич в традиционную русскую одежду. Бороды нет, но длинные висячие усы носил. На бритой голове вышитая туфейка. В руке сверкающая драгоценным камнем в наверхии трость, – зачем пришел? Опять денег просить?

Дьяк подошел к нему, поклонился в ноги.

– Здравствуй, батюшка-князь, рассказать пришел о диковинке, как ты велел!

– Сказывай! – приказал князь. Прошел к стулу, присел. Оперся одной рукой о трость. Всегда полезно знать, что происходит внутри замшелой бюрократической машины Московского царства. Вдвойне полезно знать о происходящем в карательном Разбойном приказе. Поэтому он и пригрозил мелкого дьяка из этого приказа. Мал человечиска, кто на него обратит внимание? Зато ведает многое...

Пока дьяк рассказывал об иноземном колдуне, князь слушал рассеяно, меланхолично постукивая пальцами по столешнице, лишь под конец, когда дьяк упомянул, что узника забрал сам князь Федор Юрьевич Ромодановский, глава Преображенского приказа розыскных дел, словно просыпаясь, приподнял брови, в глазах появился живой интерес. На огонек наполовину сгоревшей восковой свечи налетела муха. Обжегшись, упала на стол, задержалась опаленными крыльями. Дьяк замолчал, вопросительно и с надеждой глядя на князя. Негромко вздохнул, тербя шапку в руках. Борис Алексеевич положил локти на стол, бросил острый взгляд на дьяка. Что-то о появившемся на границе с киргизцами городе он слышал.

– Как, говоришь, князюшка сказал? – спросил он после некоторого молчания.

– Сказал, что колдун из города на Украине уральской, к нам перенесенного божьим соизволением из будущего, не врет. Потом дал грамотку, собственноручно писанную боярином Тихоном Никитичем с приказом отдать ему колдуна. Забрал и его, и диковины.

Глаза князя сузились, он размышлял, как скажется на придворных раскладах появление вблизи Петра нового человека. Дьяк терпеливо ждал. Наконец, придя к решению, Голицын поднял холодный взгляд на дьяка:

– И что за диковинки там? Что колдун бает?

Дьяк заискивающе улыбнулся и зачастил с рассказом:

– Есть там мушкетеры, стреляющие на версту, и более точно попадают в любую цель. Повозки железные для войска и корабли небесные, с коих на врага можно обрушить гранаты. Живут там богато, делают рухлядь кузнечную искусно, зеркала, не меньше венецианских, шкафы холодильные и многие иные диковинки.

Сначала князь удивленно уставился на собеседника, затем его лицо болезненно сморщилось. Завладеет царь Петр диковинками, усилится, зачем ему тогда древние роды? Без них всех в кулаке держать сможет. Ну да ладно, дьяк не виноват. Надобно наградить за ценные сведения, пригодится еще...

– Семен! – негромко, но повелительно произнес князь и стукнул тростью об пол.

Давешний холоп нарисовался в палате, поклонился князю, спросил:

– Что прикажешь, князь-батюшка?

– Отведи дьяка к ключнику, – Голицын перевел пристальный взгляд на дьяка. Сердце княжеского посетителя сжалось в томительном предчувствии, – пусть выдаст в награду два рубля. Лицо дьяка просияло. Он словно скинул тяжкий груз с плеч. Бросившись князю в ноги, принялся истово целовать вялую руку.

– Сделаю, князь-батюшка, – еще раз махнул поклон холоп.

Когда радостный дьяк вслед за холопом вышел, взгляд князя замер на темноте за узким окном. В последнее время князь стал подумывать: а не зря ли он поддержал Петра против Софьи? Часть Голицыных держала сторону царевны, часть царя, но все были уверены, что поражение им ничем особым не грозит. Удалят от двора, не более того. Надежды оказались тщетны. Родственника, Василия Васильевича, лишили боярства и с семьей сослали в Еренский городок, тем самым унизив и ослабив весь род. А за что? За то, что был верен до конца предыдущей правительнице? Не по правде это! Кровь – не водица, негоже попускать обиду роду. Впрочем, посмотрим, что будет дальше, но посоветоваться всем родом, как вести себя, стоит...

\*\*\*

Почти три месяца спустя заканчивался зимний и вьюжный декабрь 1689 года от Рождества Христова.

Солнце в зените, желтое, не греющее заснеженную землю. Зима выдалась морозная и многоснежная. Густой чащобный лес вокруг на пару дней конного пути. Матерый волк с пепельной от седины шкурой, ступая осторожно, вышел из-за деревьев на едва проторенную дорогу, замер неподвижно. Ветер свистит по-разбойничьи, сметает белую и колкую пыль с сугробов, гонит ее пеленой. Желтые звериные глаза пробежались по вековым соснам, празд-

нично белым от висевшего на ветвях снега. Чуткий нос опустился к заячьим следам, пересекавшим дорогу. Любопытная белка выглянула из дупла. Интересно ей, что делает серый разбойник. Ох, не к добру косою выбежал прогуляться! Внезапно уши волка встали торчком, а клыки угрожающе оскалились. Словно тень, так же бесшумно, как и вышел, хищник исчез среди заснеженных елей на противоположной стороне дороги.

Над плечами одетых в посеревшие тулупы городских стрельцов, в такт шагам лошадей мерно покачиваются стволы пищалей. Их отправили для сопровождения посольства и защиты от лесных воров. Равнодушные взгляды скользят по густо заросшему деревьями-великанами заснеженному лесу. Позади конников тянется длинная колонна саней. Покрытые инеем кони, запряженные в первую повозку, плетутся неторопливой дорожной рысцой. Порывы ветра скидывают противную снежную пыль с ветвей на крыши саней. Она на лету исчезает в дыму, струящемся из трубы. Кучер на козлах надвинул высокий колпак подальше на брови, взмахнул кнутом. Раздался сухой *щелчок*.

– Балуй, нечистый дух!

Сидевший рядом солдат с карабином на коленях безучастно глянул на лошадь и отвернулся к лесу. Сменят его лишь через полчаса.

Александр Петелин расположился на задней скамейке. На улице мороз, а в экипаже тепло и уютно. Только тесно. Чего только не напихали! Не повернешься от многочисленных ящиков с инструментом, посевным материалом и припасами. Изредка экипаж потряхивает на невидимых под снегом кочках. Мощные стволы проплывают мимо. Шуршат, задевают за верх возка усыпанные колкими зелеными иголками ветки. Боевой брат, прошедший вместе с молодым офицером джунгарский поход, сержант Тихонов, сидит рядом, разглядывает давно надоевшие виды зимнего леса. Напротив главный посол, Рожковский Петр Семенович, коротая время, уперся взглядом в книгу. Изредка его рука протягивалась к лежащей на откидном столике тарелке с солеными сухариками. Сдобный хлебный запах, по которому попаданцы успели соскучиться за лето, плывет по экипажу, заставляя сглатывать голодную слюну. Молодой офицер вспоминает, одно только и оставалось: вспоминать... Заканчивался второй месяц трудного пути. Караван с посольством попаданцев подъезжал к Нижнему Новгороду. Пара недель пути и вступят в Москву. Первоначальные опасения насчет того, как встретят посольство провинциальные власти, слава богу, не оправдались. Опасная грамота от царей Ивана и Петра сработала как надо. Только на границе попался воевода, слишком то ли глупый, то ли излишне жадный. Слава богу, что обошлось без стрельбы! Тогда Александр с трудом подавил желание разрядить пистолет в глупую боярскую рожу. Он усмехнулся воспоминаниям...

\*\*\*

Воевода Дмитрий Андреевич, пригорюнясь, укоризненно смотрел на сидевших на противоположном конце стола послов. Оба: и старый, и молодой безбородые, ровно поляки, только выюнош носит не густые еще усы. Вроде православные, по крайней мере, зайдя в светлицу на святые иконы перекрестились. Но не русские, как бог свят, не русские! Ростом высоки, ликом гладки, говорят странно, вроде и по-русски, а вроде и нет. Нет, не наши! Немцы какие! Грех мзду малую с иноземцев поганых не урвать для пользы христианской! А одеты справно! Ой справно! Сапоги добрые, жаль, что черные. Кафтаны, хоть и непривычного покроя, слишком короткие, но сразу видно – теплые. Ну не может у них не быть деньги! Сам воевода одет гораздо скромнее, в потертую шубейку. При Алексее Михайловиче тишайшем он при московском дворе обитал, да не на тех поставил во времена хованщины. Теперь, при нынешних царях, еле сумел добиться отправки воеводой в далекий городок у уральских украин. И то хлеб, заодно поправить оскудевшую казну.

*Хованицина – Стрелецкий бунт 1682 года – бунт (восстание) московских стрельцов в начале правления Петра I, в результате которого его соправителем стал старший брат Иван, а фактической правительницей при них стала сестра Софья Алексеевна.*

Разговор шел странный. Первым делом послы показали опасную грамоту. Воевода торопливо нацепил на нос железные очки, внимательно прочитал несколько раз грамоту, буквально обнюхал царские печати. Все вроде в порядке. Вздохнув тяжело, отдал грамоту назад. «Может, все же мзду малую предложит?» – думал он, оценивающий взгляд то и дело останавливался то на лицах послов, на которых застыла смесь недоумения и злости, то на справной одежке чудных немцев.

– Все бы хорошо, опасная грамота есть, вижу – занудным голосом в очередной раз повторил воевода, – опять же, я сюда поставлен беречь границы Руси. А с вами полтора десятка оружных стрельцов. А ну вы озоровать будете? С кого спрос тогда?

Воевода тяжело вздохнул и слегка поджал губы.

– С меня! Опять же откуда сей город большой появился на Урале? Никогда его не было! Подозрительно сие! – воевода наставительно поднял указательный палец к небу.

– Так что, Вы нас не пропустите? – в очередной раз спросил Рожковский Петр Семенович. Александр сморщился от досады.

– Да как можно! – замахал обеими руками воевода. – У вас опасная грамота от царей Петра и Ивана, как не пропустить!

– Значит, пропускаете? – с надеждой спросил Александр, голос его дрогнул. Как ему надоели увиливания этого скользкого, словно налим, московского чиновника.

– Как можно, – развел руками с самым честным видом воевода. «Украшенное» следами от оспы лицо сморщилось, словно он хлебнул горького, клочковатая борода воинственно приподнялась, – А вдруг вы озоровать станете? Спрос-то с меня. Царь-батюшка вопрошает меня, а почто иноземцев с оружием в царство мое пропустил? А? Ведь вы из другого царства-государства?

Рожковский молча кивнул. По светлице разносились раскаты гомерического смеха. Когда от хохота закололо в боку, Александр резко его оборвал, обвел светлицу невеселым взглядом. Воевода укоризненно посмотрел на младшего немца и вздохнул про себя. Ну что за непонятливые! Все начиналось по-новому то ли в пятый, то ли в шестой раз.

Только тогда, когда разъяренный Рожковский пригрозил, что послы возвратятся назад и пожалуются царю, что воевода их не пропустил, а багровый от ярости Александр начал шарить пальцами у кобуры, воевода побледнел и торопливо позвал стоявшего за порогом стрельца. Царь Петр уже успел заработать репутацию не боящегося крови и скорого на расправу. За разбой и не выполнение опасной грамоты не помилует. А на него уже был донос в Москву о вымогательстве с иноземцев.

– Позови полуголову, – нехотя произнес он. Стрелец кивнул и вышел.

*Стрелецкий полуголова – начальник двух – трёх сотен стрельцов.*

Когда тот подошел, воевода жалостливо вздохнул и приказал пропустить обоз попаданцев. В самый последний момент он все же выпросил у Рожковского ларец со стеклянной бижутерией и серебряными украшениями...

\*\*\*

Александр машинально провел рукой по кобуре и отвернулся к окну. На последней ночевке деревенские предупредили, что в лесу шалят тати Ячмень-атамана. Даже в Москве знали об обнаглевшей банде, но ничего не могли поделать. Направленная на уничтожение допекших бояр разбойников рота иноземного строя во главе с капитаном после недели поисков

в дремучих лесах никого не нашла и вернулась ни с чем. Так что ехали настороже, в защитных кирасах и с оружием под рукой.

Читать дальше, видимо, Рожковскому надоело. Положив книжку на скамью белоснежной обложкой вверх, он хрипло вздохнул и задумчиво посмотрел на Александра. Привлеченный звуком младший посол повернулся. Взгляд молодого офицера на миг остановился на названии книги: «Искусство войны» Сунь-Цзы. Хм... внутренне усмехнулся Александр, готовится старший посол к общению с Петром, изучает военное дело. Тот со всем пылом молодости обожал все, связанное с армией.

– Тебе, – проговорил степенно Петр Семенович, продолжая давнишний разговор, – тебе, Александр, еще многие завидуют. Должность майорская, с царем общаться будешь. Опять же, младший посол...

Рожковскому задумался и кивнул собственным мыслям:

– А вот, посуди, каково мне? Я же по возрасту тебе в отцы гожусь, тянет к спокойствию, а приходится все бросить и ехать в Москву. Мне это – вот! – Он обхватил горло рукой.

Александр возмущенно вскинулся и недовольно сжал губы. Кому лучше, кому хуже... Давний спор надоел хуже горькой редьки! Рожковский лукавил: до пенсионного возраста он не дотягивал, а к весомому положению в верхах города привык. После того, как всех руководящих сторонников прежнего главы города уволили, предложение поехать послом в столицу Московского царства стало для Рожковского спасительным. Его статус и материальное положение остались не ниже, чем при «старом» мэре. Так что получил он от назначения в посольство не меньше младшего посла. Александр открыл рот, чтобы возразить, но не успел.

Караван завернул, невольнo притормаживая, за поворот. Ель – богатырка в двух десятках метрах перед первыми санями рухнула, раскидистыми ветвями закрывая путь. Туча белой снежной пыли взметнулась ввысь. Всадники столпились, осаживая коней. Кучер торопливо натянул вожжи. Стая ворон сорвалась с ближайших деревьев, с карканьем закружилась в хмуrom небе.

«Бах, бах!» – почти дуплетом грянули два выстрела.

Рот мгновенно пересох, сердце громоподобно забилось о ребра, словно пожарный колокол. В голову ударили лошадиные дозы гормонов, приводя организм в готовность к бою. Прилив сил и дикой ярости. Засада! – понял Александр одновременно гаркая Рожковскому: «Ложись наземь!» Махнул рукой замковзводу на противоположную дверь. Один из автоматов стоял между сидений. Офицер подхватил его, одновременно толкая дверь и выскакивая на улицу. Мгновенно присел на ногу, звякнул затвором, досылая патрон и выискивая стволом цели.

С другой стороны бахнула дверь – сержант ужом выскочил из саней с другой стороны. Шустро перекатился на бок, вскинул наган. Сказались два месяца непрерывных тренировок перед отправлением посольства.

Из-за близких деревьев справа выскочили разномастно одетые мужики – с топорами, кольями, иные с неведомым путем попавшими в руки татам саблями. Закричали страшно и громко: «Стой, стой». Увязая в глубоком снегу бросились к саням. Побледневший как полотно кучер рухнул с козлов на землю, прикрыв руками голову, нечленораздельно завыв.

«Бах!» – оглушительно выстрелил карабин солдата, сидевшего на козлах. Александр выцелил ближайшего разбойника, мчавшегося прямо на него с высоко поднятым в руках топором.

«Так!» – выплюнул огненный цветок автомат Александра.

Пуля ударила тата в грудь, смела на снег словно кеглю, сбитуую метко направленным шаром.

«Бах! Бах! Бах!» – зачастили выстрелы со всех сторон, звонким эхом отдаваясь среди деревьев. Дикие вопли, матерную ругань, вой раненных разбойников почти неслышно на фоне частых выстрелов из карабинов и револьверов.

Александр мгновенно перевел прицел на следующего разбойника, могучего мужика с саблей в высоко поднятой руке, с диким ором бежавшего к саням.

«Бах» – оружие выпало из обессиленных рук разбойника, ослабевшие ноги подогнулись, тать медленно опустился в сугроб. Выражение глубочайшего изумления на бородатом лице.

«А кто тебе сказал, что будет легко?» Александр мгновенно перевел ствол на следующего разбойника. «Зря вы, не разбираясь, кто перед вами, напали!» Еще десяток секунд длится молниеносное побоище. Наконец, разбойники сообразили, что их элементарно убивают, словно подвернувшихся под тапок тараканов, и единственный способ спасти жизнь – бежать. По неслышной за шумом боя команде оставшиеся в живых бросились назад, под защиту чащи. Цели исчезли. Несколько мгновений, и на когда-то белоснежном снегу остались лишь окровавленные трупы разбойников и жалобно причитающие раненные. Грохот огнестрела затих. Только черные точки взбудораженных птиц кружатся и каркают в хмуром небе.

Минуту Александр выжидал, не отводя оружия и настороженно вслушиваясь в лес. Заснеженная чаща молчала. Никаких звуков, свидетельствующих о том, что разбойники могут вернуться. Ушли или прячутся и ждут момента для повторного нападения?

Из саней послышался испуганный голос Рожковскому:

– Бандиты ушли?

– Не знаю, сейчас проверим, – не оборачиваясь, ответил офицер, затем громко крикнул:

– Иванов, Черкасов.

– Я! – тут же. – Я! – раздалось позади, эхо голосов загуляло по лесу.

– Проверить лес! Только аккуратно! И пленного приведите, кто здоровее!

«Нужно узнать, что это: случайное нападение польстившихся на богатый караван бандитов или происки неизвестных врагов. Хотя последнее маловероятно. Кто мог нас обогнать, чтобы успеть организовать нападение?»

– Есть! – осторожно хрустя снегом, оба названных солдата с наганами в руках зашли за стволы деревьев. Два других солдата отправились на разведку противоположной стороны.

Через несколько минут ожила радиостанция в кармане бушлата Александра.

– Прошли по следам 200 метров, разбойников нигде нет, возвращаемся, – раздался голос Иванова.

– Принято! Пленного взяли?

– Так точно!

Вернулись Иванов и Черкасов, подталкивая в спину стволами наганов баюкающего окровавленную руку взъерошенного, жалобно причитающего мужичонку в рваном армяке. Такой запирается не станет. Следом вернулись бойцы, проверявшие лес по другую сторону дороги. Александр облегченно вздохнул, скрывая послестрессовую трясучку, скомандовал подчиненным построиться. Последним вылез из саней все еще бледный старший посол, впрочем, и он вскоре приобрел нормальный цвет лица. Из делегации города и охраны никто не пострадал, даже нанятые извозчики целы. Ущерб посольству ограничился огромными дырками от мушкетных пуль в кузовах саней. Их наскоро заткнули первыми попавшимися тряпками. Среди выделенных для охраны стрельцов двоих легко ранили и один погиб. Оказывать помощь еще живым разбойникам не стали, захотят их товарищи, помогут раненым. Нет, бог им судья, а не дело после нападения долго задерживаться. Не исключено, что тати опомнятся и вернуться с подкреплением. Дружно хекая, оттащили дерево с дороги, погрузили пленника. Его по дороге допросят. Раненых стрельцов посадили в сани. Всадники первыми тронулись в путь. Повеселевшие извозчики взмахнули вожжами, колонна направилась вслед за конниками...

\*\*\*

25 ноября 1689 г. состоялось заключительное заседание суда по делу бывшего главы города Соловьева. Несмотря на то что телевидение и обе выпускавшиеся в городе газеты в ежедневном режиме освещали ход суда, интерес к процессу был фантастическим. Он стал главной городской сенсацией после Переноса. Безучастных к судьбе бывшего градоначальника не было. Большая часть горожан осуждала Соловьева, но то, что он спас город в первые, самые сложные дни от безвластия и анархии, помнили. Нашлись и сочувствующие, правда, их было немного – взяточников не любили, и воевать с Русью, к чему подводил прежний глава города, подавляющее большинство горожан не хотело. Зал заседаний городского суда был совсем небольшим и никак не мог вместить всех желающих увидеть процесс собственными глазами. Пришлось выделить бывший районный дом культуры. Счастливицам, кому повезло присутствовать на оглашении приговора на «процессе века», пришлось проталкиваться в зал через плотную толпу горожан.

Долгие месяцы следствия и суда казались Соловьеву одним страшным и мучительным сном. Словно достаточно сделать усилие и проснешься, а весь окружающий кошмар развеется. Соловьев обвел взглядом переполненный зал, обращенные к нему лица слились в единую ужасающую маску, в голове молоточками билась цифра шесть, а в ушах шумело. Именно на столько лет тюремного заключения приговорил его суд и еще добавил три миллиона штрафа. Все попытки его самого и адвоката доказать политические мотивы уголовного дела разбились о железобетонную аргументацию прокурора. Когда понадобился повод, просто сдули пыль с дела, бережно собираемого многие годы фсбшниками. Вишенкой на торте стал факт передачи казаками градоначальнику золота за помощь в войне с джунгарами. Нервное *напряжение в зале, казалось почти непереносимым.*

Судья закончил читать приговор, увесистая папка легла на стол. Соловьев скорбно усмехнулся, он спас город, а неблагодарные его судят за какое-то золото! И взятки, ну были они, но ведь все осталось в двадцать первом веке! Судья поднял взгляд на зал и произнес:

– Прошу садится.

Зал послушно присел и приглушенно загудел. Люди обсуждали только что вынесенный приговор. Стоять остался лишь судья, Соловьев и оператор телевидения. Судья бросил недовольный взгляд в зал и стукнул деревянным молотком.

«Бамм» – глухой звук поплыл по залу. Люди притихли.

– Я требую тишины! – слегка раздраженным и осипшим после длительного зачитывания голосом произнес судья.

– Осужденный, Вам ясен приговор? – спросил судья.

– Да, – безжизненным тоном произнес Соловьев. Ему шестьдесят один... Бывшему градоначальнику стало окончательно ясно. Шесть лет заключения, он не выйдет из тюрьмы, умрет униженным в заключении. Будьте вы прокляты, подумал он. В ушах зашумело еще сильнее, в глазах потемнело, он мягко осел на пол.

А еще через несколько дней после выписки из больницы Соловьев, не поднимая глаз от серого асфальта, шел в колонне угрюмых заключенных по утренним городским улицам. Следующие шесть лет ему светила карьера на городской свалке в качестве сортировщика мусора, а ныне вторсырья...

\*\*\*

В подвалах объединенного городского банка к началу зимы накопилось более двухсот килограммов золота и полтонны серебра. Примерно половина запасов – летняя добыча старателей, оставшееся золото город получил за счет торговли и конфискованной собственности путчиков и бывшего мэра. Накопленный запас дал возможность выпустить банковские билеты номиналом 1000 и 5000 рублей, размерами и цветом напоминающие прежние купюры Российской Федерации, только с видами города и надписью: Билет объединенного городского банка. Для защиты от подделок городские умельцы разработали технологию нанесения на

банкноты водяных знаков. Новые купюры пользовались доверием, их свободно меняли на золото и охотно принимали не только горожане, но и приезжие купцы. Их по зиме в торговое поселение на границах города приехало множество. Одни, расторговавшись, уезжали, другие приезжали. Изменился лишь состав купцов. Гостей из Средней Азии почти не осталось, ехать через пустынные степи Казахстана далеко и по зиме очень тяжело, их заменили русские купцы из давно освоенного московским царством северного Урала, Поволжья, сибирских городов: Тюмени, Тобольска... Купюры меньшего номинала Российской Федерации постепенно заменяли серебряными и медными монетами. А пока не произошла замена, новые деньги ходили наряду с постепенно ветшавшими прежними купюрами. Последние постепенно выводили из обращения.

\*\*\*

В одном из кабаков торгового поселения по случаю дневного времени почти пусто. Еще слишком рано. Настанет вечер, и в нем рассядутся компании чинных купцов, задиристых охранников и усталых ватажников. В помещении полумрак, светло лишь напротив запыленного окна и у входа, над ним висит новомодная электрическая лампочка. В воздухе стоит запах вчерашних щей, жареного лука и хлебного вина. Водку и спирт всю гнал недавно открывшийся городской спиртзавод, алкоголем в поселке торговали в кабаках и лавках. За спиной скучающей за невысоким барьером ядреной, необъятной кабатчицы, солнечные лучи преломляются в длинных, заполненных прозрачным, словно слеза, хлебным вином штофах и пузатых стеклянных кубках. В красном углу едва теплятся лампы, почерневшие лики с икон с неммым упреком смотрят на творящиеся в вертепе безобразия. Кабатчица старательно делает вид, что ее не интересует негромкая беседа сидящих за полупустым столом в дальнем темном углу необычных посетителей. Заинтересовала ее странная компания из попаданца и хроноаборигена. Один – ее куратор из службы безопасности, в типичной городской одежде камуфляжного цвета. Второй – в расстегнутом армяке, борода лопатой, явно из недавних переселенцев. Старожилы торгового поселка обычно следовали городской моде и одевались преимущественно в камуфляж. Говорили они тихо, и расстояние было велико, так что любопытная содержательница заведения лишь зря напрягала слух.

Петр Иванович успокаивающе поднял руку. Заговорил, голос мягкий, примирительный:

– Пойми, Степан. Мы не враги староверам. Более того, мы знаем, какие гонения будут на вас в будущем, и хотим их предотвратить. Но для этого нам нужна твоя помощь.

Степка помотал лопатой черной бороды, недоверчиво зыркнул из-под густых бровей, вполголоса забасил:

– Не верю я тебе, господин. Ты сам говорил, что вы из будущего, там победили никонианцы, а истинную веру преследовали, – пальцы поднялись в двуперстном крестном знамении, в глазах загорелся фанатичный блеск, – Ибо сказано. Заблудили и отступили от истинных веры с Никоном отступником злокозненным, пагубником, еретиком.

Петр Иванович протянул руку, тонкая струйка ядреного квасу пролилась из кувшина в кружку. Он долго пил, оценивающе поглядывая из-за края чашки на Степана. Придя к какому-то выводу, изрек все также мягко, уговаривающе:

– Ты можешь помочь нам предотвратить гонениям на староверов. Мы хотим помочь, мы друзья вам! Знаешь ли ты, что если мы не вмешаемся, то вскоре царь прикажет преследовать старообрядцев, а вы начнете сами себя сжигать, из-за чего тысячи вас погибнут? Знаешь ли ты, что царь уберет Патриарха и создаст Священный Синод, который станет управлять церковью. Только мы можем предотвратить это!

– Лучше сгореть в огне, чем потом попасть в ад! – нахмурившийся Степка истово перекрестился двумя перстами. – Все равно не верю тебе, господин, – старовер упрямо набычился, посверкивая глазами. Жизнь научила его не верить никонианам, обольстителям поборников истинной веры.

«Да что же делать с упрямым старообрядцем? Никакие доводы не действуют. Хоть кол на голове теши! Будущие резиденты уже есть, нужен кто-то вхожий к вождям старообрядцев. Ладно, попробую еще.»

– Мы разрешили вам селиться в окрестностях нашего города, не преследуем, дали возможность построить собственную церковь. Вот ты сам работаешь в мастерской, которую держат на паях ваш купец из старообрядцев и город. Обижают тебя? – Петр Иванович вопрошающе посмотрел на собеседника.

Тот вздохнул и отрицательно покачал головой.

– Вот! – поднял указательный палец собеседник, – Это ли не подтверждение того, что мы не враги старообрядцев, а друзья?

Степка молчал, только в глазах его промелькнула тень сомнения. С улицы послышался шум трактора. Надо дожимать – подумал Петр Иванович и размашисто перекрестился.

– Да вот тебе крест, мы хотим помочь вам!

В глазах Степки промелькнула неуверенность. Если человек крестится хоть бы и троеперстно, врать не станет.

– Крест-то никонианский, щепоточник! – не сдавался молодой старовер.

Петр Иванович пожал плечами:

– Как в детстве научили, так и крещусь, хочешь в подтверждение моих слов Символ Веры прочту?

В глазах Степки мелькнуло сомнение, несколько мгновений он размышлял, грузно сопя в бороду.

– Хорошо, убедил, – решительно махнул рукой, – что, господин, от меня хочешь?

– Внешне мы не похожи на местных, – развел руками Петр Иванович, – говорим чудно, высокие, многих обычаев не знаем. А надобно нам для начала разузнать, что на Руси творится. По городам походить, людей поспрашивать. А потом и думать, как беды избежать и гонений на людей старого обряда. Человек нужен, который научит нас, как с людьми разговорить, обычаям вашим. По городам проведет да сведет со старообрядцами, живущими в Москве и других городах. Словом, нужен проводник.

– А куда провести надобно? – вновь насторожился Степка.

– Сначала в Орел-городок к Строгановым, затем в Казань. Оттуда в Нижний Новгород, затем во Владимир и дальше в Москву. Обрато через Ярославль и Хлынов – сюда. За полгода обернемся?

Степка ощутимо расслабился, затем задумался, пошевелил губами, подсчитывая, выдал вердикт:

– Мыслию, месяца за четыре обернемся, только ведь и мне питаться надобно! – в глазах Степки мелькнули огоньки алчности.

Петр Иванович залез в карман, в раскрытом кошельке тускло сверкнуло серебро, неправильные кругляши ефимок едва слышно звякнули, упали на стол. Кабатчица искоса бросила взгляд на дальний стол.

*Ефимок – русское обозначение западноевропейского серебряного талера, бывшее в употреблении до середины XVIII столетия. Своим названием он обязан иоакимсталеру – монете, отчеканенной в Иоакимстале с изображением святого Иоакима. Эта монета стала первой в России с номинальной стоимостью в один рубль.*

– Это задаток. Как вернемся – в три раза больше получишь. Ну что, по рукам? – Петр Иванович протянул ладонь. Глаза Степки жадно сверкнули.

Он крепко пожал протянутую руку, монеты в два счета исчезли в руке.

Через две недели в Орел-городок отправился обоз, среди приказчиков выделялись два необычно высоких мужчины. Такие редко, но встречались среди проживающих в Московском царстве русских. Большая часть ватажников должна остаться в городах России, став костяком агентурной сети Мастерграда. Только попаданцы да Степка должны вернуться назад.

\*\*\*

Под руководством новой администрации город попаданцев продолжал изменяться к лучшему. Динамично развивалось сельское хозяйство. Руководство им и приспособление к суровым условиям малого ледникового периода возглавили управление сельского хозяйства и профессура академии. Так после переименования стала называться сельхозакадемия. Крестьяне, объединенные в что-то среднее между колхозом и производственным кооперативом, после сбора урожая пшеницы и картофеля ремонтировали технику и готовились к весеннему севу. Основная ставка в обеспечении попаданцев фруктами и разнообразными овощами: от помидоров и огурцов до кукурузы, делалась на подключенный к магистральной теплотрассе: электростанция – город, пригородный тепличный комплекс. Благодаря круглогодичному обогреву дармовой горячей водой, комплекс давал несколько раз в год отменные урожаи. В теплице вредителей нет, дождем, градом, заморозками растения не побьет. Широко использовались удобрения и научная организация ухода за растениями. Применение механизации: вместо тракторов использовался электрический агромот – балка с электромотором, минимизировало потери при уборке. Это давало возможность собирать с одного квадратного метра до 50 кг томатов или 60 кг огурцов. При этом себестоимость продукции получалась меньше, чем у высаженных в открытый грунт овощей.

Похолодание климата привело к тому, что многие привычные горожанам фрукты вне теплиц не вызревали. Под них, а также под арбузы, дыни и виноград отвели часть отапливаемых площадей. Посадки в теплицах яблок, груш, слив и даже лимонов с ананасами обещали через несколько лет дополнительно разнообразить стол горожан.

Обе построенные попаданцами птицефабрики вышли на полную мощность, обеспечивая город яйцами и мясом птицы, ежемесячно производя более 100 тонн. Потребности в молоке и молочных продуктах город все еще покрывал собственными силами лишь частично, буренок не хватало. Параллельно птицефабрики давали натуральное, содержащее фосфор удобрение, более ценное и удобное для использования, чем конский и коровий навоз. Использовали его прежде всего в пригородном тепличном комплексе. Оставшиеся потребности в фосфоре закрыли за счет отходов со свиноферм и молочных ферм. По калийным удобрениям выход нашли за счет использования древесной золы. Хуже сложилось с азотными удобрениями, но огромный избыток мощностей давал возможность не экономить электроэнергию для их производства. К зиме на северной окраине города поднялась башня фиксации атмосферного азота по цианамидному циклу. Это гарантировало невиданную для 17 века урожайность полей и теплиц, а также исходное сырье для производства важнейших взрывчатых веществ. Дополнительно в качестве удобрений использовалась выращенная в прудах, вырытых на окраинах деревень попаданцев, хлорелла.

После того как вопросы физического выживания смогли решить, город вновь занялся строительством нового жилья, прежде всего в деревнях. Крестьянам предоставляли бесплатно или на льготных условиях готовые срубы. Вспомнили и о недострое в городе. Несколько пятиэтажек, строительство их перед Переносом остановилось, ожили. В следующем году планировалось вселение очередников в новые дома.

К зиме администрация города сверстала и вскоре утвердила на собрании депутатов план промышленного развития на следующий, 1690 год. Ставилась амбициозная цель стать городом МАСТЕРОВ. Над перспективным планом развития на пятилетку работа еще продолжалась. В следующем году намечалось создание пяти новых заводов: военного, инструментального, автотракторного, лампового и фармакологического. Военный завод, важнейший для попадан-

цев, планировалось создать на базе моторного завода, железнодорожных и грэсовской мастерских. Его продукция: от берданок и револьверов до проектируемых артиллерийских орудий позволят перевооружить армию и гарантировать независимость Мастреграда. Предполагалось в ближайшем будущем наладить производство орудия по типу (76-мм) полевой скорострельной пушки обр. 1900 г., оснащенного быстродействующим поршневым затвором с запирающим, ударным и выбрасывающим механизмами, предохранителем; упругим лафетом и сошником, тормозом отката и каучуковым накатником; угломером, позволяющий вести стрельбу с закрытых огневых позиций. Для продажи хроноабorigенам планировалось наладить производство сабель и палашей, кремневых ружей и пистолетов времен наполеоновских войн, стальных орудий высокого качества. Инструментальный завод должен будет обеспечить потребности собственных и зарубежных ремесленников: кузнецов, шорников, кожевников, портных, ткачей, гончаров в кустарном инвентаре, а также потребности крестьян в сельхозинвентаре: плугах, боронах, сеялках и прочем инструменте для селян. Для экспорта решили производить разнообразный инвентарь на конной тяге. Автотракторный завод планировалось специализировать на изготовлении разнообразных двигателей, грузовых и легковых автомобилей, тракторов и прицепов. На базе электротехнического завода создавался ламповый завод. Суррогатные полупроводниковые диоды, первые кустарные электронные лампы: диоды, триоды, тетроды и пентоды получили в электротехнической лаборатории, с начала лета работавшей в составе академии. Радиостанции, радиоприемники образца тридцатых годов двадцатого века вместе со слегка усовершенствованными лампочками Лодыгина должны были стать основной продукцией завода. В перспективе планировалось применение в лампочках платиновой нити накаливания. Пока основным источником вполне годных транзисторов и прочих радиодеталей служила старая и сломанная радиоаппаратура, телевизоры и компьютерная техника, бытовые приборы: телефоны, фотоаппараты и прочие. Приемка их от населения за деньги и дополнительные продовольственные карточки была организована уже в первые дни после Переноса. Поощрялась и сдача технической литературы в библиотеку академии.

На моторном заводе наладили производство металлопроката и проволоки. На момент Переноса на предприятиях и мастерских города имелось несколько штук электрических гибочных вальцов. Один из них переделали на малый прокатный стан. Взамен изготовили новые электрические вальцы в количестве трех штук. Внешне неказистые рычажные, гидравлические и кривошипные прессы производства попаданцев вместе с самодельным прокатным станом дали возможность резко нарастить производство патронов и оружия.

Вновь построенные на моторном заводе две индукционные электропечи, в придачу к доставшейся из двадцать первого века, решили проблему выплавки сталей с нужным составом. Благодаря этому удалось наладить производство метчиков, сверл, разверток, плашек, напильников, инструментов для деревообработки и слесарных работ, а также штампов и мерительного инструмента. Хуже было с инструментальными сталями для станочной обработки металлов. Запасы инструмента, где необходима повышенная теплостойкость материала, были конечны, а вопрос с вольфрамом для их изготовления не решался. Пока из положения выходили за счет запасов, но по расчетам их хватит от силы на год.

После обучения вновь набранного персонала заработала на полную мощность ювелирная мастерская. Три работавших до Переноса в городе ювелира обучили помощников из числа бывших дизайнеров, оформителей и просто мужчин и женщин с художественным вкусом. Идеи для художественных изделий они черпали из оставшихся проспектов, телефонов и картинок из городской сети. Держись, аристократия Европы и Азии! Тебе предстоит упасть от восхищения перед драгоценными изделиями города Мастеров. Еще одну новинку начали выпускать предприятия города: стальные иголки и гвозди.

К зиме вооруженные силы города приняли законченный вид. Основной ударной силой на суше стал мотострелковый батальон. При разработке его структуры за основу приняли ана-

логичный батальон Российской Федерации. В состав подразделения вошли: управление, штаб, взвод связи, три мотострелковые роты, минометная и артиллерийские батареи, взвод обеспечения, медицинский пункт. Всего 417 человек: офицеров, сержантов и солдат. На вооружении батальона состояло: 381 винтовка, 36 автоматов Калашникова, 3 РПК, 22 миномета и 4 орудия, 18 огнеметов. Подвижность батальона обеспечивали 22 бронированных Урала, 27 БТР-70. Получилось мощное и высокомобильное подразделение.

Для выполнения тайных операций сформировали взвод спецназа численностью 30 отборных бойцов. На вооружении его состояло 30 автоматов Калашникова, 3 РПК и несколько ручных гранатометов.

Вертолетный отряд численностью 120 человек, имел на вооружении три МИ-8 и два Ми-26, четыре гидросамолета и 6 мотодельтопланов. Вертолеты в ближайшие годы без запчастей и специальных масел выйдут из строя, а самоделки, собранные уже после Переноса, еще долго прослужат попаданцам.

Пограничный отряд включал в себя управление, четыре заставы, мотоманевренную группу и тыловые подразделения. Всего 261 бойцов. На вооружении их состояло 211 винтовок, 50 автоматов, 8 минометов, 8 бронированных Уралов и 6 джипов.

Остальные люди в погонах: полиция, таможенники, судебные приставы, отдел по борьбе с наркотиками, пожарные представляли из себя вооруженную винтовками легкую пехоту, но их было немало, 589 человек. Казачество добавляло к вооруженным защитникам города еще 413 чел.

Сил хватало для разгрома армии 17 века любой численности. При необходимости резкого увеличения численности армии была возможна расконсервация автоматов Калашникова, мобилизация бойцов трудовой армии, военнообязанных и добровольцев.

Город Мастеров на Южном Урале креп, уверенно развивался и с оптимизмом смотрел в будущее.

\*\*\*

В это же время, на несколько тысяч километров западнее, в самом сердце московского государства. В палату стремительно ворвался царь Петр. За ним вошел нахмуренный, мрачный Голицын Борис Алексеевич и Меншиков. Солнце на хмуром зимнем небе медленно клонится к закату. Пробивавшийся сквозь мутные стекла слабый вечерний свет с трудом освещает помещение. Густые тени прочно угнездились в углах палаты. От окна потянуло холодом, огонек свечи в стоявшем на столе глиняном подсвечнике, заколебался. Остановившись за порогом, царь обвел черными, слегка навязывает глазами помещение. Посредине палаты на добела отскобленном столе лежит оружие, оставшееся от уничтоженной в деревне около Казани банды: охотничья двустволка из двадцать первого века, рядом поврежденный ПМ. Через глубокий скол на пистолетной рукоятке бесстыдно проглядывает черный металл магазина.

«Дын, дын», – из недалекого здания Пушечного двора ворвался в открытую дверь звон молотов по раскаленному металлу. Вошедший последним Меншиков закрывает дверь, весело и нагло смотрит на двух размыслов, сидящих на покрытой пестрым ковриком скамейке у стола.

*Розмысл – инженер*

*Пушечный двор (Москва) – центр пушечно литейного и колокольного производства в России в XVI—XVII веках.*

Розмыслы разом поднялись, чинно поклонились – пальцами до полу, выпрямились, выжидательно смотрят на царя. Дверь закрывается. Грохот молотов становится почти не слышен. Петр подошел к столу, не глядя, отодвинул стул, присел, голова нетерпеливо дернулась вбок – к плечу. С юношескими щеками, с темными усиками вразлет, вытаращенными глазами, он чем-то неуловимо напоминал кота. Вытащил из кармана обгорелую трубочку с вишневым,

изгрызенным на конце чубуком. Набил, не глядя передал назад Меншикову. Пока тот, громко сопя, высекал искру на трут и раскуривал трубку, царь в упор разглядывал молчаливых розмыслов. Наконец? Меншиков передал трубку Петру. Тот пару раз пыхнул вонючим дымом.

– Ну? что вызнали, сказывайте, – наконец произнес царь, тыча трубкой в сторону двустволки и пистолета – что прознали про сие оружие, что шпынь Федька рассказал?

*Шпынь – ничтожество, насмешник, балагур, шут.*

Иван Дроздов – невысокий крепыш, стриженный по-новгородски, с волосами на лоб, степенно поклонился. Его товарищ предпочел промолчать.

– Спытала мы мушкет и пистоль, – произнес Иван Дроздов, беря в руки двустволку. Покрутил в крепких руках, взгляд горит восхищением, продолжил:

– Они вельми хороши. Тот, кто сотворил сие, великий мастер! На первый взгляд, ничего особенного. Ни украшений из золота-серебра, ни резьбы. Мушкет и пистоль не для бояр или дворян, а для простого ратника. Но! Сделаны из очень качественного железа, схожего с булатом. Два длинных ствола одинакового размера, якоже близнецы похожи. Толщина стенок вельми маленькая, за счет этого мушкет очень легкий, но при выстреле ствол не разрывает. Такой уклад мы варить не умеем.

*Уклад – сталь на древнерусском.*

С 1683 г. с переменным успехом шла Великая Турецкая война, в которой Османская империя насмерть сцепилась с целой коалицией христианских европейских государств: Священной Римской империей (Габсбургской Австрией), Речью Посполитой, Венецианской республикой и Мальтой. В 1687 году в войну с турецким султаном вступила Россия. Дважды под начальством князя Василия Голицына московское царство предпринимало наступательные походы в Крым. Из-за плохой организации, недостачи воды и массовых болезней русские войска каждый раз были вынуждены бесславно вернуться назад. Ситуация застыла в неустойчивом равновесии. Чтобы переломить ее, Россия нуждалась в оружии попаданцев. Оно могло дать русской армии решительный перевес над османами. Петр надеялся на хорошие вести от розмыслов Пушечного двора, что они раскрыли секрет, как изготавливается мастерградское оружие, а они не оправдали надежд. Дернул длинной шеей, лягнул ногой, натужено засопел, наливаясь жарким гневом. В наступившей тишине стали ясно слышны далекие удары молотом по раскаленному железу.

Иван Дроздов поймал яростный взгляд царя, поежился. Царь скор и крут на расправу, может собственноручно наказать нерадивого. Розмысл торопливо добавляет:

– Ни турки, ни свейские, ни галантские или аглицкие немцы такой не варят.

– Мин Херц! – торопливо наклоняется к царю Меншиков, шепчет, опаяя ухо жарким дыханием.

– Знаю сие – недовольно дергает уголком рта, успокаиваясь, Петр, «кошачьи» усики уныло обвисают.

Иван Дроздов вновь поклонился, продолжил:

– Что пистоль, что мушкет сделаны вельми качественно и разумно. Приклад, – розмысл поворачивает двустволку, приставляет к плечу, – вельми удобен. За счет выреза прочно упирается в плечо. Два ствола, один над другим, сверху приспособа для прицеливания и мушка – «пенек» на конце ствола.

Розмысл поворачивает оружие, демонстрируя по-гусиному вытянувшему шею Петру длинную полоску, поверх ствола и «пенек» на конце:

– Главное отличие от наших мушкетов в другом. Наши заряжаются с дула, эти с казенной части, – розмысл нажимает рычажок и неожиданно преломляет оружие.

– Ух ты! – простодушно выдыхает князь Голицын, открывая напоказ сахарные зубы и забывая на миг про собственные неприятности.

Иван Дроздов демонстрирует государю и его верным слугам блестящие на свету металлом зарядные каморы.

– Сюда вкладываются огнеприпасы.

Стоявший рядом розмысл вытаскивает из кармана кисет, высыпает на ладонь несколько небольших колпачков, по виду бумажных, лишь в торце блестит металл, молча подает два Ивану Дроздову. Тот с поклоном передает один Петру.

Петр с сосредоточенным видом принимается задумчиво крутить в тонких пальцах цилиндр. Наконец, поднимает горящий взгляд на розмысла:

– Что сие?

– Сие маленькая пушка. Вставляется в ствол. Внутри зелье, да не простое в виде порошка, а в форме мелких зерен, как сие сделано – неведомо. Сверху войлочный пыж, затем пуля и еще один пыж. Для сбережения от влаги сверху залит воск. Пули во всех огнеприпасах одинаковые, словно сделанные в одной пулелейке. Но главный секрет не в этом.

Розмысл переворачивает чудной цилиндр металлическим торцом к царю. Петр начинает мигать от любопытства, дымящуюся трубку кладет на стол. Взяв огнеприпас в руки, разворачивает к себе. Меншиков с Голицыным, вытянув шеи, разглядывают диковинку из-за плеча господина.

– На донце проделано отверстие, туда вставлен совсем маленький колпачок. В нем другое зелье. Состав его мы не ведаем. При ударе по сему зелью оно воспламеняет пороховое зелье в «пушечке». Происходит выстрел.

– Хитро! – Петр глядит круглыми от удивления совиными глазами.

– Проверили мы как стреляет сей хитрый мушкет. Пока стрелец с мушкетом работы свейских, или аглицких немцев, или с нашей один раз выстрелит, с этого двадцать раз стрельнут. Дыма почти нет, запах сгоревшего зелья совсем другой. Спробовали и на точность мушкет. Со ста шагов в мишень попадает точно и дубовую доску насквозь пробивает.

– Дыма нет? – громко произносит Меншиков и потрясенно крутит головой. Петр на миг обернулся, быстрый взгляд на доверенного слугу, уголок рта дернулся, но ничего сказал и повернулся назад к розмыслам.

– Сможете сделать такой же мушкет? – спрашивает Петр. Усы дыбом, в голосе слышится слабая надежда на то, что все же обрадует его розмысл.

– Государь! Сделать не точно такой же, но похожий мы сумеем. Только одноствольный и ствол будут намного толще, а мушкет получится тяжелее. Да и доводить его под огнеприпас до одинаковых размеров придется долго. Посему вельми дорогой мушкет получится.

Петр довольно блеснул глазами.

– Вот то дело! – громко произнес Меншиков, царь, не оборачиваясь, шумно фыркнул, словно довольный кот.

Иван Дроздов отвел глаза, замялся, не зная, как сказать царю правду, затем решил:

– Зелье тайное, что взрывается, воспламеняя огнеприпас, как сделать мы не ведаем, а без него мушкет стрелять не будет.

– А что Федька говорит, ведает он секрет зельев: бездымного и зелья воспламеняющего?

– Нет, государь, – с поклоном произнес Иван Дроздов, опустив взгляд на пол. Знал он, что не любит царь, когда в глаза ему смотрят.

Петр с минуту бешеным взглядом смотрел на розмысла, грохнул кулаком по столу, затем вскочил, размахивая руками, забегал по палате, сопровождаемый испуганными взглядами розмыслов и обеспокоенными верных соратников. Наконец, присел назад, поднял трубку, тороп-

ливо пыхнул. Обдав стоящих перед ним яростным взглядом, произнес сквозь завесу вонючего табачного дыма.

– Шпынь бесполезный Федька, а вы пошли прочь!

#### Глава 4

По принятому в Мастерграде григорианскому календарю, так недавно переименовали город попаданцев, наступил полдень 25 декабря 1689 года. По прошествии двух месяцев путешествия по продуваемым всеми ветрами степям Северного Казахстана и заснеженным русским лесам долгий путь закончился. Длинная змея посольского обоза въехала в столицу Русского царства. Небо по-зимнему хмурится, тщательно пряча распухшее малиновое солнце за тучами, грозя в любую минуту разродится очередным снегопадом. Ветер гонит в лицо противную снежную пыль. Впереди колонны, движутся пятьдесят преображенцев. Кони под ними перемешивают копытами серый, перемешанный с конским навозом снег. Одеты в новые нагольные тулупы, сабли наголо, лица румяные от мороза, усатые, словно немцы. Почетный эскорт, посланный навстречу, встретили за полдня езды до города. Для сопровождения и чести посольству из преображенцев набрали искусных конников и мастеров сабли. За ними – молчаливый и грустный оркестр с бубнами и трубами в руках.

Такого вступления в город иноземного посольства не могли упомнить даже самые престарелые москвичи. Немногочисленный народ суетливо разбегается перед эскортом в стороны. Разинув рот, в полном обалдении смотрит вслед саням. Иные для бережения сдергивают шапки, торопливо крестятся. Оглушительно гремит невидимый оркестр. Из мощных динамиков на переднем возке доносится военный марш двадцать первого века. От мощных звуков дрожат, словно в приступе Паркинсона, окошки в неказистых избенках, вдоль которых проезжает обоз. У большинства – затянутые мутным бычьим пузырем, у тех, кто побогаче, слюдяные и даже стеклянные. У бабы, вышедшей на улицу выплеснуть помои и высыпать золу, при виде колонны посольства из рук валится ведро, отходы рассыпаются по дороге.

Аккумуляторы на стоянке предусмотрительно зарядили на полную емкость. Над узкими улицами и замшелыми домишками окраин едва вышедшего из средневековья города плывут величественные и мощные звуки «Прощания славянки».

И снова в поход труба нас зовёт.

Мы вновь встанем в строй

И все пойдем в священный бой.

Только что вышедший из дома подросток стоит у незакрытой двери с квадратными от изумления глазами, слушает песню, слова странные, но смысл их он понимает.

Александр Петелин оглядывается на идущие позади возки и довольно улыбается. Цели, поразить москвичей до глубины души, мастерградцы достигли. Посольская колонна проезжает мимо предков, которых предстояло понять и полюбить такими, какие они есть. Александр искренне надеялся, что это у него получится...

Верхи с саней сняли, по пояс видны посольские чины в одинаковые коричневых дубленках и охрана. Подчиненные Петелину бойцы выглядят роскошно и внушительно. Форма почти один в один как кремлевцев двадцать первого века: синие офицерские шинели из парадного сукна, золотом блестят пуговицы, погоны и аксельбанты, над киверами торчат стальные штыки карабинов СКС. Чтобы обеспечить ими посольскую охрану из специализированного магазина подчистую выгребли все охотничий карабины. Лишь отсутствием штыка отличало их от карабина СКС. Недостающее оружие выкупили у горожан. Эскорт проехал мимо захудалой церкви. Из открытой двери идет парок, оттуда выглядывает боязливый поп. Заехал в Китайгород. Повернув на перекрестке, обоз остановился около высоких дверей в непролазном дере-

вянном заборе. Над ними под двухскатной крышей – православный крест. В глубине двора виднеется крыша – шатром с двумя полубочками. Усадьба понравилась. Посольству предстоит здесь ожидать прием у царей – соправителей Московского государства: Петра и Ивана.

Долго ожидать царского приема посольству попаданцев не пришлось. Петра буквально сжигало неумное любопытство и желание посмотреть вблизи посланцев далекого и таинственного Мастерграда. На следующий день, с утра, во двор заехал громоздкий, из черной кожи возок. Оттуда неторопливо и важно сошел на затоптанный снег низенький плотный дьяк Посольского приказа. Украдкой, с любопытством огляделся. Зайдя в посольские хоромы, развернул покрытый разноцветными печатями свиток. Громко прочитал. Голос высокий, козлиный. Послов приглашали на следующий день прибыть на царский прием. Получив небольшую мзду, довольный дьяк поклонился и отбыл восвояси.

Двадцать седьмого декабря, в двенадцать часов пополудни едва успели отзвенеть колокола на расположенной неподалеку деревянной часовни Всемилоственного Спаса, скрипнув, открываются ворота усадьбы. Пронзительно свистит, рассекая воздух, кнут. Десять саней, каждый запряженный четверкой гнедых лошадей, неторопливо выезжают с посольского двора. Небо по-зимнему хмурое, низкое. Холодный ветер с размаху хлещет по вмиг раздумявшимся лицам, но Александр за долгое путешествие из Мастерграда в Москву привык к морозу. Теперь это нипочем. Под шинель надел парадную офицерскую форму, но чувствует себя немного не в своей тарелке. Волнуется. Рожковский, сидящий на скамейке напротив, нервным движением вытаскивает из кармана платок. Сняв на секунду шапку, торопливо вытирает со лба пот. В глазах немой вопрос, тоже нервничает. Не каждый день приходится ездить с визитами к русским царям. Караван поворачивает, выезжает на Ильинку. Александр с интересом поглаживает по сторонам. Вдоль дороги до кремлевских ворот стоят солдаты полка Гордона и бывшие потешные: в зеленых мундирах – преображенцы, в синих – семеновцы. Мимо проплывают молодые и старые, усатые и безусые лица солдат. Глядят на послов с любопытством. Слухи о Мастерграде успели распространиться по столице. В руках крепко зажаты мушкеты, на наконечниках пик бьются разноцветные значки, ветер суетливо треплет знамена. С неба сначала понемногу, затем густо начали падать снежинки, завывла, закружила вьюга. Александр вспоминает наставления главы службы безопасности Мастерграда. Последний раз они встретились в его кабинете за день до отправления каравана. «Петр пока еще пацан, а ты послужил и повоевал, у тебя такие знания и навыки, о каких он и не слыхивал. Петр любит учиться новому. Заинтересуй его. У тебя есть возможность стать для него авторитетом, подружиться и привязать к себе. Мы не враги предкам, мы братья с Россией и согласны помогать, но сесть себе на голову не позволим. Любые попытки набросить на Мастерград хомут приведут к огромным материальным и людским потерям для Русского царства. Петр должен понять, что с нами необходимо дружить, и это выгодно! Александр, постарайся расположить к себе Петра». Царь все-таки, справлюсь или нет, думает Александр, задумчиво покусывая кончик русого уса. Его охватывает еще большее волнение. Всю дорогу офицер молчит и мучается сомнениями.

Через настезь распахнутые Спасские ворота колонна саней въезжает в Кремль. Вокруг красота: двух, а то и трехэтажные каменные палаты ближних бояр, в хмурое небо гордо вздымаются православные кресты на луковках многочисленных храмов и монастырей. От ворот до Красного крыльца в две шеренги стоят наиболее доверенные – преображенцы. Трезвонят колокола на храмах, слышатся голоса офицеров – немцев: «Ахтунг! Мушкет к ноге!». Вдоль кремлевской стены уставился жерлами в небо короткий ряд сверкающих медью мортир. Рядом – сложенные кучками заснеженные ядра. Усатые румяные пушкари замерли у орудий, ожидают сигнала. В руках застыли длинные палки банников, дымятся длинные фитили. Стольники в ожидании послов толпятся на крыльце Грановитой палаты. При виде саней загалдели словно галки. На них красные распашные кафтаны на завязках, на головах высокие меховые шапки. Всадник в сверкающих сталью доспехах и шлеме нетерпеливо гарцует на снежно-белом

коне перед артиллерийской батареей. Ветер остервенело треплет огненно-красный плащ за спиной, пытается сорвать с плеч, снег наотмашь бьет в лицо, но он не обращает на это внимание. Посольский караван подъезжает к крыльцу, останавливается, всадник поднимает над головой руку в черной перчатке. Фитили, послушные приказу, опускаются к стволам.

«Бабах!» – мортиры дружно изрыгают огненные языки к небу. Сквозь плотный пороховой дым едва видно пушкарей, бросившихся банить стволы. Между высоких стен Кремля загуляло гулкое эхо, стаи ворон поднимаются в небо, с тревожным карканьем кружатся в стылом небе.

«Азиатчина... – поджав губы, подумал старший посол. – Не зря Соловьев призывал к походу на Москву». Попытка завязать союзнические и даже дружеские отношения с русским царством Рожковскому не нравилась. Впрочем, как дисциплинированный чиновник, он как мог добросовестно исполнял указания нового градоначальника.

Когда послы Мастерграда поднялись по лестнице на крыльцо, стольники потребовали сдать оружие и весьма удивились ответу, что у послов его с собой нет. Между тем бойцы посольской охраны выгрузили дары русским царям. Чего там только не было: золотые цепи и серебряная посуда, зеркала в изысканных рамах в рост человека, золотые зажигалки на древесном спирту и изящная, полупрозрачная на свету фарфоровая посуда. Изделия двадцать первого века совместно с произведенными в ювелирной и стекольной мастерских города. На утоптанном снегу у крыльца остались два расписанных под хохлому высоких, выше человека, шкафа – газозлектрических холодильника. Придворная челядь притихла, вытянув шеи, рассматривает диковинные подарки. Рожковский с Александром вслед за стольниками, не торопясь, зашли в Грановитую палату, сняли шапки, украдкой оглянулись.

Царские палаты! Краска бросилась Александру в лицо, язык прилип к гортани, но через миг офицер совладал с собой. Из окон в палату попадает достаточно света, несмотря на это горят, распространяя в душном воздухе запах воска, свечи в подсвечниках и паникадилах. Стены искусно расписаны рыцарями, разноцветными птицами и зверями. На скамьях вдоль стен потеют в дорогих шубах первые люди царства: бояре, окольные и думские чины. Бороды у иных до пояса, седые, в глазах настороженность, руки крепко сжимают искусно украшенные посохи. Открыв рты, уставились на чудно одетых послов. Одежду восточных стран они видели, западные парики и широкополые шляпы вкупе с шосссами и жюстокорами для них не в диковинку, но строгий костюм – тройка и парадный китель офицера наблюдали впервые. Попаданцы не собирались принимать моду ни западных, ни восточных стран, а намеревались навязать миру собственный стиль. Прием у царей московских стал первым шагом на этом пути. В дальнем конце палаты возвышается двойной трон. Три серебряных с прорезным орнаментом ступени ведут к бархатному сиденью, разделенному поручнем на два места для царей. Позади трона четыре рынды, юные отроки в высоких горностаевых шапках, в руках блестят серебряные топоры. Все по уставу, благолепно, по древнему чину византийских императоров. Красиво, подумал Александр. Старший посол лишь слегка нахмурился. Его такими штучками не проймешь!

Одно тронное сидение пустое, старший царь Иван Алексеевич опять недужил и не мог принять послов. На втором идолом восседает длинный, как каланча, юноша, над верхней губой черный пух, а не усы. Только глаза живые, слегка навывкат, горят жадным любопытством. В руках символы царской власти: золотые скипетр и держава. На голове сверкает разноцветными алмазами, изумрудами и турмалинами корона с золотым крестом наверху и с традиционным соболиным мехом на тулье. Александру показывали портреты Петра первого в молодости. А что, похож, подумал он. А еще чем-то неуловимо напоминает оставшегося в будущем младшего брата. Возможно, любопытством? По левую руку от царя придворный с золотой миской в руках, одет пышно, в белый атлас. Другой, по правую, держит искусно вышитое полотенце.

После малоприятных для людей двадцать первого века, но обязательных в семнадцатом, дипломатических процедур: поклонов, целования царской руки и вопросов о здоровье, старший посол кланяется и передает в руки царя всея Великия, Малыя и Белыя, и прочее Руси, верительные грамоты. Петр, не глядя, отдает грамоту боярину Льву Кирилловичу Нарышкину. Сам не сводит глаз от попаданцев. Боярин громким голосом объявляет, что прием закончен. Оба посла с поклонами удаляются из палаты. Дипломатические приличия соблюдены, теперь следует ждать приглашения на личную встречу с Петром.

Остаток дня посольские занимались обустройством усадьбы по собственному вкусу. Связисты с утра натянули вдоль конька крыши терема Y – образную антенну, пробросили кабели и установили в одной из светлиц второго этажа армейскую КВ – радиостанцию. Вечером удалось связаться с дежурным радистом Мастерграда и доложить о результатах переговоров.

Тусклое зимнее солнце давно спряталось за горизонт, когда в дверь посольской усадьбы громко застучали. Часовой на входе открыл окошко, выглянул. Судя по форме перед воротами – преображенец. В правой руке поводья покрытого инеем коня, нагольный полушубок в снегу.

– От государя Петра Алексеевича, гонец, – представился преображенец.

Часовой доложил по рации. Дождавшись сопровождающего, пропустил царского гонца во двор. Посланец окинул любопытным взглядом татакающий рядом с крыльцом военный бензоэлектрический агрегат с газогенератором и висевший на крыше флаг Мастерграда, но промолчал. Видимо, слышал о мастерградских чудесах. Вслед за провожатым вошел в терем, поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж. В комнате его встретили предупрежденные начальником караула послы. Гонец, раскрыв рот, уставился ошеломленным взглядом на горевшую под потолком лампочку, но затем все же справился с удивлением. Петр первый приглашает на завтрашний день на приватные переговоры в Преображенское. Поблагодарив преображенца и одарив деньгой, отправили восвояси...

#### *Деньга – полкопейки.*

Послы вошли в небольшую палату, с достоинством поклонились. В руках два небольших чемоданчика. Одеты непривычно, слишком скромно для обожавшего банты, кружева и все яркое, семнадцатого века. Младший посол в одежде оливкового цвета, на плечах сверкают по четыре звездочки, старший – в коротком камзоле черного цвета. Не похоже ни на немецкие, ни венгерские, ни на польские одежды. За застеленном льняной скатертью столом расположился царь Петр Алексеевич. В белом русском кафтане, нарядный. Перед ним фарфоровое блюдечко с незажженной обкусанной трубкой. От печи тянет теплом, уютно потрескивают дровишки. Пуча глаза, позади стоит в парадном облачении князь Федор Юрьевич Ромодановский. Усы встопорщились как у кота, взгляд недоверчивый. Правила общения с хроноаборигенами попаданцы выучили еще в Мастерграде. Повернувшись в красный угол, откуда с потемневших от времени икон всматривались в людей строгие лики святых, дружно перекрестились, поклонились. Царь и князь внимательно наблюдали за попаданцами. Нет, вроде все по канону. Показалось? Нет? Взгляд князя Ромодановского слегка смягчился.

– Здравствуйте, господа послы! – произнес, с любопытством разглядывая послов вблизи, Петр. – Присаживайтесь, поговорим про дела наши.

Когда послы уселись за стол и поставили рядом чемоданы, подал голос, тряся немалым чревом, князь Ромодановский.

– Вот сомневаюсь я, что вы православные, слишком себя ведете не по-нашему, – он сделал замысловатый жест рукой и требовательно уставился на послов. Петр никак не прореагировал на самовольство приближенного, лишь нервно дернулся юношеский ус. Видимо, все договорено заранее.

Рожковский внутренне усмехнулся. Все-таки по части интриг не наивным предкам состязаться с потомками. Не зря во время подготовки послы выучили распространенные православные молитвы. Откашлявшись, спросил:

– Хотите, прочту символ веры?

Дождавшись утвердительного кивка сверлившего послов глазами Петра, начал:

– Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым...

Произнеся молитву до конца, вновь перекрестился. Лица князя и царя ощутимо расслабились.

– Ну что же, видим, не врете. Вы православные. А скажите, православные... – Петр густо побагровел, лоб покрылся мелкими каплями пота. Голос царя повысился, приобрел нотки угрозы:

– Кто вам разрешил поселиться в пределах русского царства самовольно?

О, Как! – подумал Александр. Петр обиделся, что живем на Урале без его разрешения, ну-ну. А возможность прогнать нас у тебя есть? Но обострять ситуацию не стал и перевел разговор в юридическую плоскость.

– Ваше Величество, эту землю нам подарил казахский хан. Его это земля! – Александр вытащил из чемодана цветную ксерокопию договора с главой казахов Тауке-ханом, положил на стол. Петр поднял бумагу, недовольно хмыкнул, нашел снизу перевод на русском. С трудом, буквы непривычные, прочел, шевеля губами. Кашлянул сконфуженно, оглянулся на князя.

– То русская земля, не мочно было хану жаловать вас той землицей! – твердо произнес Ромодановский, кончики усов воинственно торчат.

Александр слегка хмыкнул. Старший посол подождал, будет ли продолжение, затем ответил спокойным ровным голосом, словно разговаривал не с разгневанным владыкой Русского царства, а с малышом – несмышленьшем:

– Это Вы с ханом выясняйте, чья эта земля, а казахи и башкиры в тех краях живут, а вот русских людей, кроме нас, там нет.

Петр поджал губы и несколько мгновений смотрел на каменно-спокойные лица послов. Тишина, лишь потрескивают в печи поленья. Слишком самоуверенно держатся, видать, силу за собой чувствуют. О том, что у пришельцев могучая армия, писал Строганов. Есть у них скорострельные мушкеты, корабли небесные и повозки железные самобеглые, кои даже ядро не пробьет. Поднял трубку. Открыл заслонку печи, оттуда пыхнуло жаром, достал лежащими на полу щипцами раскаленный уголек. Прикурил, клубы ароматного дыма поплыли по светлице. Ромодановский едва заметно поморщился.

– А за что пожаловал вам землицу хан? – поинтересовался царь почти спокойным голосом.

Александр не стал рассказывать сложную историю взаимоотношений с казахами. Меньше будет знать, лучше станет спать! Соответствующий сюжет для показа Петру первому заготовили заранее. Пожав плечами, Александр вытащил планшет, положил на стол перед царем:

– За то что помогли хану в войне с его врагами. – произнес он. – Посмотрите, Ваше Величество.

Нажал на кнопки. Засветился экран. Зрачки Петра сузились словно у кота. Он узнал, это тарелка колдовская, которая у Федьки не стала ничего показывать. Царские размышления сумели ее разобрать и, хотя ничего не поняли в устройстве, но убедились, что это техническая диковина, и ничего колдовского в ней нет. А здесь диво! Заработала. От удивления Петр ахнул, вытянул по-гусиному шею. Позади тяжело сопит Ромодановский. В окошке внутри тарелки появилось изображение. По долине между заснеженными горами наступала одетая в латы грозная армия. В центре, топча сапогами степную траву, двигались пешие отряды с огнестрелом и

длинными пиками. По краям – латная и легкая конница. Сила серьезная. Когда до вражеской армии осталось две-три версты, в центре начали густо и часто подниматься огненные столбы разрывов. Скорострельность и точность, немыслимые для возможностей примитивной артиллерии семнадцатого века. Пешцы мужественно выдерживали интенсивный огонь, наконец, не выдержали, побежали, на ходу бросая на землю пики и мушкеты. На флангах конники схлестнулись с врагами. Прорвались к позиции артиллеристов. Торчат параллельно земле длинные острия стальных копий, сабли хищно блестят в руках, рты раззявлены в яростном крике. Вот-вот бешенные всадники ворвутся на батарею, стопчут, ссекут пешцов, но не тут-то было! Кони, зацепившись за невидимые в высокой траве препятствия, на полном ходу падают, катятся, дико ржут. И тут же кинжальный огонь в упор, частый, какой не бывает у мушкетов, и два чадных языка яростного огня с флангов. Крики сгорающих. Мечущиеся по полю «живые» факелы. Мясорубка! Никто не пытается сойтись с врагом в рукопашную, врагов истребляют словно мух, пользуясь колоссальным преимуществом в «дистанционном» оружии. Все конники, те, кто уцелел, скачут назад, провожаемые частыми разрывами мин.

Глаза у Петра горят, с тихим свистом выпустил воздух между зубов. В глазах царя появилась задумчивость. Да, оснащенная таким оружием армия может не бояться врагов. Побьют, сколько не придет на битву.

– С кем здесь бились? – ткнул дымящейся трубкой Петр.

– С джунгарами, – поймав недоумевающий взгляд Петра, Александр пояснил, – мы воевали с монголами!

– Много вас там было? – спросил царь.

Александр не стал скрывать:

– Чуть больше трех десятков.

Последовала короткая пауза, потом раздался изумленный возглас и следом растерянный голос Ромодановского:

– Не может быть!

Послы не стали спорить, лишь молча ожидали продолжения. Первый справился с ошеломлением царственный юноша.

– Ты тоже там воевал? – кивнул головой в сторону планшета Петр.

– Да, Ваше Величество!

Александр удостоился восхищенного и немного завистливого взгляда царя. Воевавших, тем более так успешно, Петр уважал.

– И много у вас таких добрых войск? – небрежно поинтересовался Ромодановский, а у самого глаза цепкие, внимательные.

– Две тысячи регулярных солдат и несколько тысяч ополчения, – Александр на миг сбился, не зная, как сказать, чтобы хроноаборигены поняли, затем подобрал слова, – да еще корабли летучие и самобеглые стальные повозки.

Усики Петра уныло опустились. Повествования послов о военной мощи Мастерграда вызвали шок у царя и князя, но они подтверждались сказками Федьки и письмом старшего Строганова. Стало быть, это не лжа, а чистая правда. Сжав от досады руку в кулак, едва не грохнул по столу. Планы по склонению Мастерграда под руку русского царя шли насмарку. Быть может потом, когда больше узнают о пришельцах и закончат неудачно начавшуюся войну с турками... А сейчас отчаянно необходимо оружие, сравнимое по качествам с мастерградским. Война с опаснейшим противником: Оттоманской Портой и ее вассалом Крымским ханом шла с 1686 года, и конца-краю ей не видно. Два похода на Крым, возглавляемые князем Василием Голицыным, закончились позорным отступлением. Новое мощное оружие давало надежду победить турок быстро, с небольшими потерями, и тем самым укрепить трон под юным царем. Он лишь недавно отобрал власть у сестрицы – узурпаторши и отчаянно нуждался в успехе, подкрепляющем права на трон. Некоторое время Петр боролся с охватившей растерянностью.

Затем вспомнил. Это пришельцы из будущего пришли к нему, а не наоборот. Значит, им что-то от него необходимо! Понимание заинтересованности пришельцев помогло собраться. Царь Петр был юн, едва вышел из подросткового возраста, к тому же родился очень любопытным. Искушение оказалось не по силам.

Голова Петра склонилась к плечу, глаза округлились от любопытства. Он запнулся, слегка заалел, но, упрямо набычив голову, спросил твердым голосом:

– А правда, что у вас есть летучие корабли, или лжа?

В глазах надежда, что сказка станет былью. Знал он и из сказок Федьки, и от Строгановых о летучих кораблях пришельцев, но вот не верилось и все! Хотя страстно мечталось хоть раз прокатиться по небесам, словно ангел божий!

Ну совсем ребенок, подумал Александр. Все не похоже, ни черты лица, ничего, но напоминает младшего, навеки покинутого брата чем-то неуловимым... Наверное, неуемным любопытством? Петр Александру нравился, ярый патриот и трудоголик, поднял Россию на дыбы, превратив из сонного Московского царства, прозябавшего на окраине Европы, в Русскую империю с мощными армией и флотом, растущей промышленностью. Наклонившись к чемодану, младший посол вытащил альбом. На обложке фотография с бронзовым памятником основателю города. Над ним щит желто-коричневого городского герба. Показал царю. Лепо и искусно изукрашено, подумал Петр. Особо внимание привлек наряд на памятнике, схожий с тем, какие носили кукуйские немцы. Вот еще один вопрос, и пока без ответа.

– Это Вам, Ваше величество, в дар альбом с видами города, – слегка склонив голову, произнес Александр, передавая царственному юноше искусно изукрашенный альбом, – Есть там и картина с воздушным кораблем.

У Петра от любопытства все шире округлялись глаза. Молчит, крепко сжав маленький рот, рассматривает искусную картину на обложке. Князь придвинулся вплотную, насколько позволяло чрево, жадно рассматривает диво. Наконец, царь открывает альбом.

Изображение зело искусное. На первой странице картина с видом на город мастеров, словно с высокой горы. Лето. Ровные, как стрела, широкие улицы. Десятки высоких, в пять поверхов, каменных палат. Иные еще выше. Крыши блестят добрым железом, видно живут богато, копейку не считают. На другой странице улица, мощенная камнем, вокруг чисто, ни навоза, ни иной грязи. Чистота, словно в палатах царских! Люди никуда не торопятся, гуляют. Все одеты в разноцветные дорогие одежды, лица радостные, как будто и забот у них нет.

– Это машины самобеглые, как ваши кареты, только движутся механизмом внутри, – произнес Александр, ткнув пальцем в автомобиль. Он взял на себя обязанность комментировать фотографии с незнакомой хроноаборигенам техникой, удостоившись за это благодарного взгляда Петра.

На картинке проезжают, блестя на солнце добрым железом, машины самобеглые, чудные. Вдоль высоких домов, затеняя стеклянные окна, растут деревья. Истинный рай! Слово и не люди там живут, а ангелы. Блеск кукуйской слободы, которую наивный Петр почитал за рай на земле, померк в его глазах. Мастерград настолько богат, что дух захватывает. Куда там легендарным сокровищам, захваченным гишпанцами у индейцев! Царственный юноша с растерянным видом рассматривает картинки, глаза горят неподдельным восторгом. Забыты и французы, и англичане, и голландцы, у всероссийского самодержца появился новый жизненный идеал. Позади молча сопит, заглядывая через плечо, князь Ромодановский. Ну и ладно, думает князь, пусть Петр Алексеевич лучше восторгается православными, чем лютеранами кукуйскими. Вот на следующем рисунке – короста высотой выше человеческого роста, из доброго железа на колесах из чудного материала (БТР-70).

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.